ПРАВО

№ 31. 1911 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ПРАВО“.

С.-Петербургъ, Владимірскій проспектъ, д. № 19. Телефонъ 41—61.

Комиссіонеръ Государственной типографіи.

Андреевскій, С. А. Защитительныя рѣчи. Изд. 4-ое, дополнен. 1910 г. Ц. 3 р.

Бернгефтъ, Ф. и Колеръ, І. Гражданское право Германіи. Перев. подъ ред. В. М. Нечаева. 1910 г. Ц. 2 руб. 50 коп.

Богровъ, В. Критико-историческій очеркъ теоріи цѣнности. 1911 г. Ц. 1 р. 40 к.

Брюнелли, П. Уголовный защитникъ. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Ходатай по дѣламъ. Сборникъ законовъ и формъ, бумагъ по дѣламъ административнымъ. 1911 г. Ц. 1 р.

Вильсонъ, В. Государственный строй Соединенныхъ Штатовъ. Перев. подъ ред. П. П. Гронскаго и Ф. И. Корсакова, съ предисл. проф. М. М. Ковалевскаго. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.

Волковичъ, Г. П., Ковалевскій, А. П. и др. Пособіе для осмотра торговыхъ книгъ и опредѣленія оборотовъ и податныхъ прибылей раскладочными присутствіями. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к.

„Вопросы Обществовѣдѣнія“. Органъ академической и научной жизни. Т. III-ій. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гессенъ, Юлій. Законъ и жизнь. Какъ созидались ограничительные законы о правѣ жительства евреевъ въ Россіи. 1911 г. Ц. 1 р.

Граціанскій, Н. Парижскіе ремесленные цехи въ XIII—XIV столѣтіяхъ. 1911 г. Ц. 2 р.

Зайцевъ, Д. М. Нуженъ-ли въ Россіи лѣсоохранительный законъ. 1911 г. Ц. 80 к.

ЗМИРЛОВЪ, К. П. Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, (по прод. 1906, 1908 и 1909 гг.), съ позднѣйшими узаконеніями, законодат. мотивами, разъясненіями, приложеніями и алф. предметнымъ указателемъ. Изд. 3-ье, испр. и дополн. 1911 г. Ц. 6 р. 50 к. (въ пер.).

КАМИНКА, А. И. Уставъ о векселяхъ, съ разъясненіями, рѣшеніями сената и алф. предметнымъ указателемъ. Изд. 2-ое, пересм. и дополн. 1911 г. Ц. 1 р. 75 к. (въ перепл.).

КАНТОРОВИЧЪ, Я. А. Законы о состояніяхъ (по прод., 1906, 1908 и 1909 гг.) съ разъясненіями и алф. предм. указателемъ. Изд. 2-ое, значительно дополненное. 1911 г. Ц. 5 р. 50 к., въ переплетѣ—6 руб.

— **Авторское право,** съ историческимъ очеркомъ, разъясненіями и предметнымъ указателемъ. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

Козыревъ, А. А. Гидрогеологическое описаніе южной части Акмолинской области. 1911 г. Ц. 5 р.

— Къ вопросу о гидрологіи Новоузенскаго уѣзда Самарск. губ. 1911 г. Ц. 1 р.

Корфъ, С. А., баронъ. Административная юстиція въ Россіи. I—II. 1910 г. Ц. 5 р.

— Государственный строй Канады. 1911 г. Ц. 1 р.

— Право опубликованія парламентскихъ отчетовъ. 1911 г. Ц. 40 к.

Малянтовичъ, П. Н. и Муравьевъ, И. К. Законы о политическихъ и общественныхъ преступленіяхъ. Практическій комментарій. 1910 г. Ц. 3 р. 50 к. (въ перепл.).

Митинскій, А. Н. Посессіонное право. 1911 г. Ц. 2 р.

„Наша Заря“. № 6-ой. 1911 г. Ц. 30 к.

Овсянниковъ, В. В. Законовѣдѣніе. 1911 г. Ц. 1 р. 20 к.

Плеханъ, И. С. Бюджетные законы. Общія и частныя смѣтныя правила, смѣты земскія, городскія и др., съ разъясненіями и предм. указателемъ. 1911 г. Ц. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р.

Поповичъ, П. В. Оправданіе давности и давность владѣнія въ древне-римскомъ гражданскомъ правѣ. 1911 г. Ц. 75 к.

Ровинскій, К. Податная инспекція въ Россіи (1885—1910 гг.). 1911 г. Ц. 1 р.

„Русское Богатство“. № 7-ой. Іюль. 1911 г. Ц. 75 к.

„Современникъ“. Книга 7-ая. 1911 г. Ц. 1 р. 30 к.

Стифенъ, Дж. Очеркъ доказательственнаго права. Перев. съ 8 англ. изд. съ вступит. статьями пр.-доц. П. И. Люблинскаго. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Хвостовъ, В. М. Нравственная личность и общество. 1911. Ц. 1 р. 30 к.

Шенвицъ. Кодексъ Наполеона, его характеръ и причины распространенія. 1911. Ц. 75 к.

Acht, A. Der moderne französishe Syndicalismus. I. 1911. Ц. 2 р. 40 к.

Anders, F. Familienrecht. 2 Aufl. L. 1911 Ц. 2 р. 60 к. (въ перепл.).

Baumgarten, A. Prof. Notstand und Notwehr. Eine Studie im Hinblick auf das künftige Strafrecht. T. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Finger, A. Der Versuch und der Vorentwurf zu einem Deutschen Strafgesetzbuch. L. 1911. Ц. 1 р. 10 к.

Gretener, X. Ursprung und Bedeutung der soziologischen Schule des Strafrechts. L. 1911. Ц. 1 р.

Hanisch, G. Probleme der Volkswirtschaft. B. 1911. Ц. 1 р. 70 к.

Mayer, H. Nationale Wirtschaftspolitik. St. 1911 Ц. 40 к.

Oppenheim, L. Zukunft des Völkerrechts. L. 1911. Ц. 1 р.

Vierhaus, F. Ueber die Methode der Rechtsprechung. H. 1911. Ц. 1 р.

ПРАВО

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1911 г. **№ 31.** **Воскресенье 7 Августа.**

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: профессора *В. М. Гессена, І. В. Гессена,* профессоровъ *А. А. Жижиленко* и *А. И. Каминка, В. Д. Набокова,* профессоровъ бар. *Б. Э. Нольде, М. Я. Пергамента* и *Л. І. Петражицкаго.*

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Понятіе сессіи въ русскомъ государственномъ правѣ. Проф. бар. **Б. Э. Нольде.** 2) Возмѣщеніе моральнаго (неимущественнаго) вреда. **С. Бѣляцкинъ.** 3) О дополнительныхъ вопросахъ. **Ал. Гуковскій.** 4) Памяти Д. А. Червонецкаго. Проф. **Тарановскій.** 5) Судебные отчеты: С.-петербургскій окружный судъ. (Подлогъ духовнаго завѣщанія). 6) Хроника. 7) Библіографія: Русская группа международнаго союза криминалистовъ. **Вяч. Новиковъ.** 8) Судебная и судебно-административная практика: а) Гражданскій кассац. деп. прав. сената. б) Первый деп. правит. сената. в) Судебный деп. правит. сената. 9) Справочный отдѣлъ. 10) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Непапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній—50 к., въ остальныхъ случаяхъ—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Продолжается подписка на 1911 годъ.

При этомъ № г.г. подписчикамъ разсылается 12-й листъ рѣш. гражд. касс. деп. за 1910 г. (безплатное приложеніе).

Понятіе сессіи въ русскомъ государственномъ правѣ.

(Окончаніе) [1]).

Правила ст. 98 и 99 осн. зак. не имѣютъ корней въ нашемъ дореформенномъ правѣ. Они взяты изъ западно-европейскихъ законодательствъ. И это понятно. Вмѣсто дѣлопроизводственной проблемы, которая разрѣшалась извѣстнымъ намъ правиломъ о вакантномъ времени государственнаго совѣта, статьи 98 и 99 осн. зак. давали отвѣтъ на конституціонный вопросъ коренного значенія, вопросъ о соотношеніи основныхъ государственныхъ властей. Этотъ новый для Россіи въ такой постановкѣ вопросъ не могъ быть рѣшенъ правиломъ стараго учрежденія государственнаго совѣта. Прежнее правило теперь годилось только для такихъ учрежденій какъ департаменты государственнаго совѣта, пережитки стараго совѣта въ новомъ строѣ, и въ самомъ дѣлѣ въ отношеніи ихъ было сохранено, (см. ст. 71 дѣйствующаго учр. гос. сов.—Это обстоятельство всего лучше свидѣтельствуетъ, что отнюдь не редакція стараго правила перестала нравиться. Для новой конституціонной проблемы въ прежнемъ правѣ не было прецедентовъ, и ихъ нашли на Западѣ [1]).

Правила, соотвѣтствующія ст. 98 и 99 осн. зак., сложились въ конституціонномъ правѣ западныхъ государствъ подъ вліяніемъ двухъ главныхъ взаимно противоположныхъ политическихъ образцовъ—англійскаго и революціоннаго французскаго. Исходной точкой развитія англійскаго права было признаніе, что король одинъ собираетъ парламентъ; время созыва и роспуска въ принципѣ цѣликомъ отъ него зависитъ; по общему правилу парламентъ не собирается ex lege. Лишь сравнительно весьма поздно на корону возлагается обязанность періодичности созыва, но еще въ концѣ XVIII вѣка эта обязанность сводится къ скромному требованію, чтобы

---

[1]) См. „Право“ № 30.

[1]) Еще Н. И. Лазаревскій совершенно справедливо указалъ (лекціи по русскому государственному праву, I, 1908, 365), что „общее конституціонное ученіе о сессіяхъ у насъ воспринято“.

послѣ роспуска одного парламента и до созыва другого не проходило болѣе трехъ лѣтъ; срокъ ежегодныхъ занятій парламента естественно зависитъ при такомъ положеніи дѣла отъ воли короля, и нѣтъ предписанныхъ конституціей «легальныхъ» сессій; рѣшеніе вопроса о томъ, будетъ ли сессія или нѣтъ, и, если да, то какой продолжительности, зависитъ въ принципѣ отъ того, какъ воспользуется корона своимъ правомъ созывать парламентъ, правомъ его распускать (dissolution) и правомъ его отсрочивать (prorogation), т. е. пріостанавливать дѣятельность парламента, его не распуская. (Для характеристики этой англійской традиціи лучше всего обратиться ко второй главѣ первой книги Блакстона; исторію вопроса въ Англіи изслѣдовалъ Hatschek, Englisches Staatsrecht, I, 333—363, которымъ сдѣлано множество весьма интересныхъ наблюденій). Другая традиція въ правѣ Запада идетъ отъ французской конституціи 1791 г. Она совершенно иная; въ ст. 1 гл. I тит. III этой конституціи было сказано: «Національное собраніе, образующее законодательный корпусъ, постоянно...»; въ соотвѣтствіи съ такимъ основнымъ положеніемъ, этотъ актъ устанавливаетъ, что король не имѣетъ права роспуска; каждые два года происходятъ выборы, происходятъ, говоритъ конституція, по волѣ закона (de plein droit); двухлѣтній «легальный» срокъ полномочій законодательнаго корпуса образуетъ «легислатуру»; перерывы занятій внутри каждой легальной легислатуры и опредѣленіе продолжительности сессіи зависятъ исключительно отъ воли собранія, которое обязано лишь предупреждать о томъ короля; послѣдній сохраняетъ только право созыва чрезвычайной сессіи въ промежутки между сессіями обыкновенными (ст. 2, 4 и 5 гл. 1 тит. III, ст. 1, 2, 3, 4 и 5 отд. IV гл. III тит. III).—Разнообразныя сочетанія элементовъ традиціоннаго англійскаго рѣшенія вопроса о сессіяхъ парламента и ученія французской конституціи 1791 г. составляютъ содержаніе позднѣйшихъ западно-европейскихъ конституціонныхъ актовъ. Въ большинствѣ ихъ право монарха созывать, распускать и отсрочивать парламентъ признается, но вмѣстѣ съ тѣмъ вводится и идея легальныхъ сессій, т. е. сессій, зависящихъ исключительно отъ воли закона. Изученіе исторіи вопроса завело бы насъ слишкомъ далеко. Возьму лишь одинъ примѣръ того, какъ сочетаются двѣ сказанныхъ основныхъ тенденціи. Вотъ правила бельгійской конституціи (ст. 70, 71 и 72): «Палаты собираются по закону ежегодно во второй вторникъ ноября, если только онѣ не были созваны королемъ ранѣе. Палаты должны засѣдать каждый годъ по меньшей мѣрѣ сорокъ дней. Король закрываетъ сессію.—Король имѣетъ право распускать палаты, какъ обѣ одновременно такъ и порознь. Актъ роспуска содержитъ въ себѣ указаніе на созывъ избирателей въ теченіе сорока дней и палатъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.—Король можетъ отсрочить засѣданія палатъ. Однако же отсрочка не можетъ продолжаться болѣе одного мѣсяца или быть возобновленной въ ту же сессію безъ согласія палатъ». Изъ приведенной ссылки, которую можно было бы дополнить десятками другихъ, совершенно ясно, какъ строится ученіе западнаго права о сессіяхъ палатъ. Мы видимъ, что оно складывается изъ слѣдующихъ элементовъ. За короною признаются четыре самостоятельныхъ полномочія: во-первыхъ, право созыва палатъ, т. е. открытія сессіи, во-вторыхъ, право роспуска палатъ, въ третьихъ, право закрытія сессіи безъ роспуска, въ четвертыхъ, право отсрочки занятій, т. е. право дѣлать перерывы внутри каждой сессіи. Вооруженный совокупностью этихъ правъ, король былъ бы всемогущимъ господиномъ парламента, если бы законъ не создавалъ ряда ограниченій въ пользованіи всѣми указанными правами. Право открытія сессій ограничено обязательнымъ собраніемъ палатъ во второй вторникъ ноября; право роспуска — обязательнымъ созывомъ новыхъ палатъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; право закрытія сессіи—обязательнымъ сорокадневнымъ срокомъ этой послѣдней; наконецъ, право отсрочки занятій—запретомъ дѣлать это на срокъ болѣе продолжительный, нежели мѣсяцъ, и повторять роспускъ болѣе раза въ сессію.

Всѣ основные элементы западноевропейскаго ученія о сессіяхъ на лицо и въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ. Основные законы вооружаютъ русскаго монарха тѣми четырьмя правами, которыми вооруженъ конституціонный монархъ на Западѣ. Монархъ опредѣляетъ продолжительность ежегодныхъ занятій совѣта и думы, т. е. открываетъ и закрываетъ сессіи; онъ устанавливаетъ сроки перерыва занятій палатъ; онъ обладаетъ правомъ роспуска. Но наше право не знаетъ всѣхъ тѣхъ ограниченій въ пользованіи этими полномочіями, которыя установлены, напримѣръ, бельгійской конституціей. Оно гораздо ближе къ традиціи, которую мы назвали выше англійской, нежели къ традиціи конституціи 1791 г. Только право созыва и право роспуска сопровождаются правовыми оговорками, первое—условіемъ о ежегодности созыва, второе—условіемъ о назначеніи при роспускѣ новыхъ выборовъ и дня созыва. Право закрытія сессіи и право отсрочки занятій ничѣмъ не ограничены. Если сопоставлять эти постановленія съ бельгійской конституціей, то, конечно, разница будетъ весьма существенна, хотя, съ другой стороны, несомнѣнно на лицо всѣ элементы рѣшенія вопроса, которые мы находимъ и въ этой послѣдней. Но дѣло не въ бельгійской конституціи. Я бралъ ее лишь какъ образецъ наиболѣе яснаго и рѣзко очерченнаго выраженія элементовъ западнаго ученія о сессіяхъ. Въ исторіи и догмѣ западнаго права можно найти множество постановленій, гдѣ такъ же, какъ у насъ, отсутствуютъ тѣ или другія ограниченія перечисленныхъ выше полномочій монарха, имѣ-

ющіяся въ Бельгіи. Возьму такой примѣръ. Хартія Людовика XVIII въ ст. 50 постановляла: «Король ежегодно созываетъ обѣ палаты; онъ отсрочиваетъ ихъ занятія и можетъ распустить палату представителей отъ департаментовъ; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ созвать новую въ теченіе трехъ мѣсяцевъ». Ограниченія правъ монарха въ отношеніи сессій палаты здѣсь лишь немного ярче тѣхъ, кои установилъ нашъ законъ: та же обязательность ежегоднаго созыва и та же обязательность созыва послѣ роспуска, лишь съ прибавкой законнаго времени новаго созыва.

§ 3.

Заимствуя изъ западнаго права совершенно отсутствовавшую въ нашемъ прежнемъ правѣ конструкцію, основные законы,—быть можетъ, именно потому, что дѣло шло о новыхъ учрежденіяхъ—не облекли заимствованныя ими правила въ достаточно ясную и технически совершенную форму.

Постараюсь показать это анализомъ постановленій ст. 98 и 99 осн. зак. «Государственный совѣтъ и государственная дума ежегодно созываются указами Государя Императора» (98). Содержаніе этой статьи заключается въ двухъ правовыхъ положеніяхъ. Во-первыхъ, монарху принадлежитъ право созыва законодательныхъ учрежденій и, во-вторыхъ, этотъ созывъ долженъ имѣть мѣсто не менѣе одного раза въ годъ. Совершенно очевидно, что законъ, предоставляя право созыва исключительно монарху не могъ имѣть въ виду и не имѣлъ запретить созывъ болѣе одного раза въ годъ. Законодательнымъ учрежденіямъ даны важныя полномочія въ государствѣ, и работа ихъ необходима, чтобы государство могло жить. Предоставляя монарху судить, когда пустить въ ходъ законодательный механизмъ, основные законы, конечно, не хотѣли ставить преграды болѣе частому, нежели разъ въ годъ, созыву законодательныхъ учрежденій. Ежегодность созыва есть ограниченіе власти монарха извѣстнымъ минимумомъ, а не максимумомъ. Поэтому, еслибы статья 98 была редактирована точно, то она гласила бы: государственный совѣтъ и государственная дума созываются указами Государя Императора не менѣе одного раза въ годъ.

Только въ такомъ пониманіи разбираемая статья соотвѣтствуетъ общему смыслу основныхъ законовъ. Если это такъ и если ст. 98 должна получать указанное толкованіе, то изъ нея вытекаетъ еще и слѣдующее положеніе. Созываемая разъ въ годъ сессія законодательныхъ учрежденій является результатомъ выполненія монархомъ возложенной на него закономъ обязанности, и съ точки зрѣнія закона представляется сессіей нормальной, очередной или, какъ говорятъ на западѣ, обыкновенной. Но монарху принадлежитъ право созывать законодательныя учрежденія и болѣе раза въ годъ. Одна обыкновенная сессія закрыта, а другая должна открыться въ слѣдующій послѣ открытія первый годъ; монархъ въ такомъ случаѣ можетъ въ промежутокъ созвать сессію чрезвычайную. Это положеніе, которое во многихъ западно-европейскихъ конституціяхъ выражено въ прямомъ постановленіи закона, нашими основными законами не высказано. Тѣмъ не менѣе оно должно считаться дѣйствующимъ и у насъ, какъ вытекающее изъ смысла ст. 98. Я считаю поэтому ошибочнымъ положеніе, недавно высказанное В. М. Гессеномъ (тамъ же, 1019), будто въ Россіи «сессія законод. учрежденій бываетъ ежегодно и только одна сессія бываетъ въ году». Насколько справедлива первая часть этой формулы, настолько неправильна вторая. Даже если «ежегодная», т. е. обыкновенная, сессія закрыта, монархъ, конечно, не лишенъ права созвать законодательныя учрежденія на сессію чрезвычайную. Допустить обратное, значитъ сказать, что въ Россіи можетъ наступить моментъ, когда нѣтъ правовой возможности созвать законодательныя учрежденія. Поэтому, болѣе правы составители объяснительной записки къ законопроекту объ измѣненіи порядка выборовъ членовъ государственнаго совѣта отъ губернскихъ земскихъ собраній и отъ съѣздовъ землевладѣльцевъ—законопроектъ этотъ составилъ нынѣшнія ст. 18^1 и 18^2 учр. гос. сов.—называя сессію отъ осени до весны «обыкновенною» и такимъ образомъ допуская возможность сессій чрезвычайныхъ (стр. 4 объяснит. записки) [1]).

Только при признаніи возможности обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ сессій законодательныхъ учрежденій Россіи можно правильно понять содержаніе и слѣдующей, 99-й статьи основныхъ законовъ. Напомню ея текстъ: «Продолжительность ежегодныхъ занятій государственнаго совѣта и государственной думы и сроки перерыва ихъ занятій въ теченіе года опредѣляются указами Государя Императора». Оставляю пока въ сторонѣ вторую половину статьи и спрашиваю себя, что значатъ слова: «продолжительность ежегодныхъ занятій думы и совѣта опредѣляется указами Государя Императора». Слова эти, очевидно, имѣютъ въ виду опредѣлить какія-то полномочія монарха, но при бѣгломъ чтеніи не вполнѣ ясно, какія. Разгадка дается сопоставленіемъ этой статьи съ предшествующей, нами уже разсмотрѣнной, статьей 98. Данное постановленіе, конечно, не призвано просто на просто повторить, то что уже дано въ ст. 98; наряду съ уже установленнымъ въ этой послѣдней правомъ монарха созывать сессіи оно должно давать монарху еще и какое-то другое право. Не трудно догадаться,

---

[1]) Именно очередную сессію совѣта разумѣетъ ст. 7 учр. гос. сов., говорящая о ежегодномъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ предсѣдателя госуд. совѣта, „за каждую истекшую сессію“. Редакція этой статьи отражаетъ на себѣ старое право и не отвѣчаетъ смыслу ст. 98 и 99 осн. зак.

какое. Создаваемое ст. 99 право опредѣлять продолжительность ежегодныхъ занятій думы и совѣта есть право закрывать открытую по силѣ статьи 98 сессію. Разсматриваемыя слова логически могутъ значить только одно: монарху принадлежитъ право закрывать созываемыя имъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, законодательныя учрежденія. Редакція правила несовершенна. Ст. 99 беретъ результатъ осуществленія монархомъ своего права закрытія сессіи — «продолжительность ежегодныхъ занятій думы и совѣта» и пользуется этимъ терминомъ для того, чтобы установить наличность самого права закрытія сессіи.

Предлагаемое толкованіе первой половины статьи 99 позволяетъ истолковать и вторую, гдѣ говорится объ опредѣленіи указами верховной власти «сроковъ перерыва занятій въ теченіе года». Прежде всего, отсѣчемъ изъ этой части статьи слова «въ теченіе года», которыя ничего не означатъ. Они имѣли бы, быть можетъ, смыслъ, если бы у насъ законодательныя учрежденія засѣдали непрерывно круглый годъ. Но разъ этого нѣтъ и разъ, съ другой стороны, очевидно и занятія, и перерывы имѣютъ мѣсто «въ теченіе года», то за этими словами нельзя признать никакого содержанія. Если, установивъ въ ст. 98 право открывать сессію и въ первой половинѣ ст. 99 право ее закрывать, основные законы говорятъ, сверхъ того, о правѣ монарха назначать перерывы занятій, то ясное дѣло здѣсь разумѣется что-то самостоятельное, отличное отъ права открытія и закрытія сессіи. Сопоставленіе съ западно-европейскими образцами, откуда взято у насъ все ученіе о сессіяхъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что имѣется въ виду уже извѣстное намъ право отсрочки занятій, т. е. перерыва ихъ безъ закрытія сессіи. Въ указанномъ отношеніи я не могу не признать совершенно правильнымъ мнѣніе, высказанное еще въ 1906 г. членами государственнаго совѣта С. С. Манухинымъ и В. И. Тимирязевымъ. «Кромѣ лѣтняго перерыва на вакантное время могутъ быть перерывы и въ періодъ сессіи..., напр. на время пасхальныхъ и рождественскихъ праздниковъ», говорилъ первый; «слово перерывъ можетъ вводить... въ заблужденіе. Перерывъ не есть прекращеніе сессіи; сюда относятся случаи, о которыхъ говорилъ членъ государственнаго совѣта Манухинъ», читаемъ мы въ рѣчи второго. (Гос. сов., стен. отч., сес. I, зас. 23 іюня 1906 г., 15). Того же взгляда придерживаются А. К. Фонъ-Резонъ (Ж. М. Ю., 1909, 9, 106) и В. М. Гессенъ въ своей недавней работѣ (Право, 1911, 1018), совершенно основательно опровергающій приводившіеся доводы въ пользу отожествленія понятій перерыва занятій съ понятіемъ прекращенія сессіи (такое мнѣніе защищали Н. И. Лазаревскій, конст. право, 371 и І. Яшунскій, Право, 1909, 1372; я не возвращаюсь къ ихъ аргументамъ, неубѣдительность которыхъ доказана В. М. Гессеномъ).

Сводя воедино все сказанное выше относительно содержанія ст. 98 и 99 осн. зак., можно въ слѣдующихъ положеніяхъ выразить ихъ содержаніе. Монарху принадлежитъ въ Россіи право созывать законодательныя учрежденія, т. е. открывать ихъ сессію. Право это ограничено обязанностью созыва ихъ не менѣе разу въ годъ, на сессію обыкновенную; это право обнимаетъ возможность созыва сессій чрезвычайныхъ. Монархъ безъ всякихъ ограниченій пользуется правомъ закрытія сессій и правомъ перерыва занятій безъ закрытія сессіи. Изъ этихъ положеній совершенно ясно выводится и характеристика того понятія сессіи, которое встрѣчается въ нашемъ законодательствѣ, но не получаетъ въ немъ прямого опредѣленія.

§ 4.

Общія указанія, даваемыя ст. 98 и 99 осн. зак., надо снабдить нѣкоторыми разъясненіями по двумъ особенно спорнымъ пунктамъ нашего дѣйствующаго права, а именно: какъ различить въ Россіи обыкновенную и чрезвычайную сессіи и какъ различить перерывъ занятій отъ прекращенія сессіи.

Н. И. Лазаревскій говоритъ (Лекціи, I, 368): «Отсутствіе какого либо законнаго срока для ежегоднаго созыва думы и гос. совѣта приводитъ къ тому, что понятіе сессій очередныхъ и чрезвычайныхъ оказывается чуждымъ дѣйствующему нашему праву». Такъ ли это? Я думаю, что это положеніе невѣрно. Очередной сессіей называется—и иного опредѣленія дать нельзя—такая сессія, безъ которой законъ обходиться не позволяетъ. Такой необходимой сессіей является у насъ та, открытіемъ которой выполняется обязанность монарха ежегодно созывать государственный совѣтъ и государственную думу. Если за каждый календарный годъ назначалась одна сессія, то именно эта сессія и была очередной. Такъ, въ 1908, 1909, 1910 и 1911 гг. у насъ созывалась ежегодно всего одна сессія законодательныхъ учрежденій; эта сессія и была обыкновенной или очередной. Но въ 1907 г. у насъ было двѣ сессіи—сессія второй думы и первая сессія третьей думы. Какъ быть въ этомъ случаѣ? И здѣсь, въ противность мнѣнію Н. И. Лазаревскаго, есть средство различить очередную и чрезвычайную сессію. Наше законодательство, кромѣ обязанности ежегоднаго созыва, заключаетъ въ себѣ, если не въ прямой формѣ, то во всякомъ случаѣ въ формѣ совершенно опредѣленной, указаніе на то время въ году, которое необходимо должно покрываться обычной сессіей законодательныхъ учрежденій. Это указаніе находится въ ст. 1 и 11 правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи. Смѣты вносятся въ совѣтъ и думу отъ 1 сентября по 1 октября; разсмотрѣніе думой

росписи должно быть закончено къ 1 декабря. Та сессія, которая, во исполненіе общей обязанности ежегоднаго созыва, открыта монархомъ и должна обнять время, когда обязательно разсматривается бюджетъ, является по нашему праву очередной. Изъ двухъ сессій, открытыхъ у насъ въ 1907 г., вторая несомнѣнно была таковой; но если бы вторая дума не была распущена и продолжала занятія и осенью, то ея сессія—первая изъ двухъ сессій 1907 г.—была бы, вѣроятно, тоже очередной—ибо тогда не было бы сессіи третьей думы 1907—1908 гг. Добавлю къ этимъ соображеніямъ еще и слѣдующее. Во многихъ странахъ на Западѣ равнымъ образомъ не установленъ, какъ и у насъ, въ прямой формѣ срокъ начала обыкновенной сессіи. Но ни на практикѣ, ни въ теоріи изъ этого не выводится, будто нельзя отличить обыкновенной отъ чрезвычайной сессіи. Ср. напр. толкованіе, даваемое саксонскому праву такимъ выдающимся теоретикомъ, какъ Otto Mayer, Das Staatsrecht des Königreichs Sachsen, 1909, 137. Къ сожалѣнію, у насъ на практикѣ нѣтъ обычая обозначать при созывѣ думы и совѣта, начинается ли очередная сессія. Быть можетъ, отсутствіе такихъ обозначеній вызывалось тѣмъ, что не имѣлась въ виду самая правовая возможность чрезвычайныхъ сессій; быть можетъ, тому причиной было то обстоятельство, что сессій чрезвычайныхъ у насъ до сей поры не созывали.

Еще болѣе сложнымъ представляется вопросъ, какъ отличить въ нашемъ правѣ закрытіе сессіи отъ перерыва ея. Всѣ, до настоящаго времени издававшіеся, указы о закрытіи сессіи и о перерывѣ ихъ были редактированы тожественно. Возьму, какъ примѣръ, два указа 11 марта 1911 г. Первый гласилъ: «На основаніи статьи 99 основныхъ государственныхъ законовъ, повелѣваемъ: занятія государственнаго совѣта прервать 12 сего марта, назначивъ срокомъ ихъ возобновленія 15 марта 1911 года. Правительствующій сенатъ не оставитъ и т. д.»; второй—«На основаніи статьи 99 основныхъ государственныхъ законовъ, повелѣваемъ: занятія государственной думы прервать 12 марта сего года, назначивъ срокомъ ихъ возобновленія 15 марта 1911 года. Правительствующій сенатъ не оставитъ и т. д.». Такъ редактировались всѣ указы и передъ рождественскими каникулами, и передъ каникулами лѣтними, т. е. указы о закрытіи сессіи и о ея перерывѣ, какъ будто нельзя было, опираясь на ст. 99 осн. зак., различающую закрытіе и перерывъ, найти разную редакцію для указовъ того и другого порядка.

Если практика безъ достаточныхъ основаній отказывается отъ рѣшенія вопроса, то на помощь должна придти теорія. Единственная попытка дать отвѣтъ, исходя изъ признанія отличія закрытія сессіи отъ перерыва ея, принадлежитъ В. М. Гессену, который даетъ такія положенія. «Сессія, говоритъ онъ (Право, 1911, 1019) начинается осенью и прекращается къ лѣту; всѣ, кромѣ лѣтняго, перерывы въ занятіяхъ совѣта и думы... должны быть разсматриваемы какъ перерывъ, а не прекращеніе сессіи». Не буду говорить о недостаточной точности этой формулы. Допустимъ, сессія, открытая въ ноябрѣ, затягивается до начала сентября слѣдующаго года и закрывается, а новая сессія назначается опять на ноябрь. Перерывъ сдѣланъ не лѣтомъ, ибо сентябрь уже осень; между тѣмъ по общему смыслу разсужденій В. М. Гессена здѣсь рѣчь будетъ идти о закрытіи сессіи, а не о ея перерывѣ. Но вотъ гдѣ затрудненіе. Вторая дума была собрана 20 февраля 1907 г., первая 27 апрѣля 1906 г.; весьма возможно, что и въ будущемъ не будутъ созывать новую думу непремѣнно осенью. Если допустить правильность утвержденій В. М. Гессена, то ни первая, ни вторая дума сессій не имѣли, и все то, что говорится о сессіяхъ въ нашемъ законѣ, къ нимъ примѣненія не имѣло.

Какъ же въ самомъ дѣлѣ провести границу между закрытіемъ сессіи и перерывомъ ея, разъ при изданіи указовъ того и другого рода придерживались одного шаблоннаго и не разрѣшающаго вопроса текста. Мнѣ представляется, что отвѣтъ можно дать, если вспомнить установленную закономъ обязанность ежегоднаго открытія новой сессіи. Какъ бы не былъ редактированъ указъ о перерывѣ занятій и закрытіи сессіи, даже если въ каждомъ изъ нихъ говорится одинаково—«занятія думы или совѣта прервать... такого то числа..., назначивъ срокомъ ихъ возобновленія... такое то число»...,—все же одинъ изъ сроковъ возобновленія необходимо долженъ быть, по силѣ ст. 99 осн. зак., такимъ, коимъ начинается новая сессія. Какъ опредѣлить, какой именно? Очевидно тотъ, который падаетъ на такой день, когда для исполненія обязанности ежегодности созыва надо начать счетъ новой сессіи. Иными словами сессія должна считаться продолжающейся до того перерыва, послѣ котораго возобновленіе занятій совпадаетъ съ опредѣленнымъ,—по признакамъ, которые я въ своемъ мѣстѣ перечислилъ, легальнымъ срокомъ открытія очередной сессіи слѣдующаго года. Практически, если обратить вниманіе на порядки государственной думы третьяго созыва или государственнаго совѣта за то же время, срокомъ открытія новой сессіи долженъ былъ считаться всегда тотъ осенній день, когда возобновлялись занятія, но это лишь случайность, зависѣвшая отъ регулярности дѣятельности законодательныхъ учрежденій въ этотъ періодъ.

Путь, указываемый мною для рѣшенія вопроса, сложенъ. Но въ этомъ виновата практика, которая, не разобравшись въ содержаніи ст. 98 и 99 осн. зак., не даетъ средствъ различить закрытіе сессіи и ея отсрочку, хотя она имѣетъ право и должна это различіе устанавливать въ каждомъ данномъ случаѣ перерыва занятій.

Проф. *Б. Э. Нольде.*

Возмѣщеніе моральнаго (неимущественнаго) вреда [1]).

(*Продолженіе* [2]).

III.

При отсутствіи въ русскихъ дѣйствующихъ законахъ принципіальнаго разрѣшенія весьма многихъ институтовъ гражданскаго права не приходится удивляться, что ни въ X т. 1 ч., ни въ другихъ томахъ мы не находимъ прямого отвѣта на вопросъ о возмѣщеніи моральнаго вреда. Нѣтъ правила, которое предоставляло бы суду взыскивать денежное вознагражденіе за не-матеріальный вредъ. Но мы не находимъ также ни одного постановленія, которое воспрещало бы это категорически, на подобіе того, какъ это дѣлаетъ сводъ законовъ прибалтійскихъ. Нашъ законъ молчитъ, и все сводится къ тому, какъ слѣдовало и слѣдуетъ въ нынѣшнихъ условіяхъ относиться къ этому молчанію. Современная русская жизнь ушла далеко впередъ, гражданское право выступило изъ рамокъ чего-то исключительно матеріальнаго, измѣнилось и расширилось правовое представленіе объ интересѣ и вредѣ, подвинулось до уровня понятій о благахъ не только хозяйственныхъ, но и не-вещественныхъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что и прошлое Россіи не даетъ основанія думать, будто частныя лица могли домогаться въ судахъ возмѣщенія одного лишь имущественнаго вреда. Убійство, увѣчье, обиды съ давнихъ поръ давали потерпѣвшему право искать въ свою пользу денежное вознагражденіе съ делинквента за чисто идеальный вредъ. Въ самыя раннія эпохи государство поощряетъ полученіе съ нарушителя такого вознагражденія, мало-по-малу вытѣсняющаго обычай личной расправы съ нимъ со стороны потерпѣвшаго или его родственниковъ. При имущественныхъ нарушеніяхъ, какъ воровство, незаконное пользованіе чужой собственностью, полагалось, кромѣ возмѣщенія имущественнаго ущерба, особое денежное вознагражденіе «за обиду» [3]), Обида понималась въ древности въ самомъ широкомъ значеніи, не только какъ нарушеніе личныхъ правъ, но и какъ грубое вторженіе въ чужую имущественную сферу, т. е. въ томъ же смыслѣ, въ какомъ она понималась въ древнемъ Римѣ (iniuria) и отчасти въ англійскомъ обычномъ правѣ. Съ теченіемъ времени, когда начала усиливаться центральная государственная власть, государство стремилось къ тому, чтобы взять въ свои руки защиту чести своихъ гражданъ и создавало уголовныя наказанія для оскорбителей. Предоставляя частную компенсацію за имущественный вредъ потерпѣвшему, за всякій иной вредъ государство требовало удовлетворенія само сначала въ лицѣ князя, взыскивавшаго за обиды денежное вознагражденіе въ свою пользу, а потомъ въ лицѣ государственной верховной власти, налагавшей на обидчика разныя уголовныя кары. Однако и здѣсь давала себя чувствовать живущая въ народѣ идея частнаго вознагражденія. Въ судебникахъ царей Іоанна III и Іоанна IV содержится цѣлый рядъ постановленій о взысканіи «безчестья», т. е. денежной суммы въ пользу обиженнаго, при чемъ размѣръ безчестья зависитъ отъ общественнаго положенія пострадавшаго и пола. Во вниманіе принимались служебный рангъ, доходы отъ кормленья: государство примѣняло при оцѣнкѣ причиненнаго нравственнаго вреда свой собственный масштабъ, руководствуясь мѣстомъ обиженнаго на государственной лѣстницѣ. Тотъ же взглядъ проводится въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 г., въ которомъ регламентируется точнымъ образомъ, сколько полагается за «безчестье» людямъ разнаго званія, городскимъ и сельскимъ обитателямъ, служилымъ и духовнымъ лицамъ [1]). Уложеніе, какъ и прежніе законодательные акты, вознаграждаетъ потерпѣвшаго за счетъ виновнаго по извѣстнымъ фиксированнымъ критеріямъ,—«противъ окладовъ, что кому государева жалованья»,—а когда критерія нѣтъ, прямо указываетъ сумму безчестья. Нельзя предоставить судьѣ каждый разъ рѣшать самому о размѣрѣ безчестья по индивидуальнымъ обстоятельствамъ дѣла: онъ долженъ имѣть, по мысли прежняго законодателя, таблицы и таксы. Пусть эти таблицы и таксы произвольны, но онѣ устанавливаютъ извѣстный внѣшній порядокъ, внѣшнюю градацію. Иныхъ средствъ для опредѣленія вознагражденія у законодателя не имѣется, а дать мѣсто какому бы то ни было усмотрѣнію судьи нѣтъ возможности, ибо судья только механическій исполнитель велѣній законодателя. Не слѣдуетъ забывать, что и при возмѣщеніи имущественнаго ущерба законодатель той эпохи часто предписываетъ руководствоваться таксами, не давая судьѣ права конкретизировать размѣръ ущерба [2]). Въ постановленіяхъ уложенія, какъ и въ другихъ болѣе раннихъ памятникахъ, красной нитью проходитъ забота законодателя объ огражденіи личныхъ правъ и благъ и о компенсаціи. При полномъ смѣшеніи началъ уголовныхъ и гражданскихъ непоколебимымъ оставалось слѣдующее положеніе: за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, обыкновенно случаевъ тягчайшихъ преступленій, когда государство, усматривая нарушеніе государственныхъ и общественныхъ основъ, требуетъ отъ виновнаго удовлетворенія въ формѣ тяжкой

---

[1]) Докладъ, читанный въ спб. юридическомъ обществѣ 24 ноября 1910 г.

[2]) См. „Право“ № 29.

[3]) Аще кто всядетъ на чюжъ конь, не прошавъ, то 3 гривны продажи (Русская Правда, кар. сп., ст. 281), т. е. штрафа въ пользу хозяина. За что? Очевидно, за неправомѣрное и обидное пользованіе чужимъ добромъ, безъ спросу хозяина.

[1]) Ложно обвинявшій другого въ незаконномъ происхожденіи подвергается взысканію безчестья „вдвое“. Кто на кого пуститъ собаку „нарочнымъ дѣломъ и та его собака того, на кого ее пустили, изъѣстъ или платье издеретъ...“ и на немъ велѣти истцу доправить безчестье и увѣчье и убытки вдвое“. Уложеніе, гл. X, ст. 28, 281, см. также гл. XXII, ст. 10, 11 и др.

[2]) За выдергиваніе пчелъ безъ порчи бортей—полтора рубля, за пропажу улья въ дому или пчельникѣ по три рубля, за тетеревиный шатеръ три рубля, за куропатную сѣть одинъ рубль. Уложеніе гл. X, ст. 217—219.

уголовной кары, во всѣхъ другихъ случаяхъ удовлетвореніе за нарушеніе личныхъ правъ за «безчестье» (понимаемое какъ нарушеніе физическаго и духовнаго достоянія человѣка), распредѣляется между государствомъ и самимъ потерпѣвшимъ или же дается одному потерпѣвшему. Въ общихъ чертахъ эти правила о взысканіи за «безчестье» дѣйствовали и въ XVIII вѣкѣ, дополненныя при Петрѣ Великомъ законами объ оскорбленіи чести въ воинскомъ и морскомъ уставахъ и въ манифестѣ Екатерины II и о поединкахъ, а затѣмъ перешли въ сводъ законовъ, будучи помѣщены въ различныхъ отдѣлахъ свода законовъ гражданскихъ, и въ особенности въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ «О вознагражденіи за обиды личныя имуществомъ» [1]). Впослѣдствіи, когда стала стираться рѣзкая грань между сословіями и классами, вся дробная казуистика правилъ о вознагражденіи за безчестье потеряла смыслъ и стала постепенно стушевываться. Съ изданіемъ же судебныхъ уставовъ старая таксировка безчестья лишилась всякаго значенія для суда, дѣятельность котораго была организована на совершенно иныхъ началахъ: довѣрія и свободной оцѣнки. Должна была исчезнуть предустановленная оцѣнка нападеній, обидъ и оскорбленій, но не могъ исчезнуть самый принципъ возмѣщенія идеальнаго вреда. Этотъ принципъ надо было не создавать вновь, а только перестроить на иныхъ началахъ, сообразно новымъ условіямъ жизни и права, строгому разграниченію областей гражданскаго и уголовнаго права и пр., чего въ кодификаціонномъ порядкѣ не сдѣлано. Въ настоящее время возмѣщеніе вреда регулируется правилами закона 21 марта 1851 г., отразившаго въ себѣ съ одной стороны вліяніе русскихъ историческихъ началъ по этому предмету, а съ другой принципы западно-европейскаго права о возмѣщеніи вреда (нормы права французскаго и австрійскаго). Предусматривая вредъ отъ дѣяній преступныхъ (ст. 644) и не-преступныхъ (ст. 684), законъ упоминаетъ вездѣ «о вредѣ и убыткахъ». Говоря не только объ убыткахъ, но и «вредѣ», законъ какъ будто открываетъ просторъ для пониманія этого послѣдняго термина въ смыслѣ вреда не только экономическаго, но и не-хозяйственнаго, т. е. такъ, какъ понимаютъ этотъ терминъ западныя законодательства и въ частности тѣ, изъ которыхъ черпали заимствованія составители закона 21 марта 1851 г. Конечно, одного этого указанія было бы недостаточно, если бы возможно было доказать, что ограниченіе отвѣтственности передъ потерпѣвшимъ только за вредъ имущественный вытекаетъ изъ другихъ постановленій нашего закона. Но дѣло въ томъ, что ни одинъ законъ не обязываетъ насъ прямо отождествлять «вредъ» съ экономическимъ урономъ. Только при присвоеніи, истребленіи и поврежденіи имущества законъ даетъ указаніе, отнюдь тоже не исчерпывающее, на способъ возмѣщенія, изъясняя, что подлежатъ возврату похищенные предметы, съ доходами и выгодами, исправленію все поврежденное, вознагражденію—«потери и убытки». Хотя законъ излагаетъ, что потерпѣвшій вредъ въ здоровьи, можетъ требовать на лѣченіе и на содержаніе, если имъ утрачена трудоспособность, но нигдѣ нѣтъ и намека на то, что потерпѣвшій вправѣ требовать т о л ь к о этого и ничего больше. Дѣвица, которая подверглась изнасилованію или которой причинено неизгладимое на лицѣ обезображеніе, въ правѣ домогаться отъ обидчика обезпеченія ея существованія, доставленіе приличнаго содержанія (ст. 662 и 663, X т. I ч.). Но въ правѣ ли та же дѣвица требовать вознагражденія за причиненныя ей нравственныя страданія? Виновный въ нанесеніи кому либо личной обиды или оскорбленія можетъ, по требованію обиженнаго, быть присужденъ къ платежу въ пользу его безчестья, смотря по состоянію и званію обиженнаго и по особымъ отношеніямъ обидчика къ обиженному (ст. 667). Но можетъ ли лицо, которому обидой причиненъ серьезный моральный вредъ, требовать себѣ вознагражденія и притомъ не въ видѣ спеціальнаго «безчестья», замѣняющаго уголовное наказаніе (стт. 668 и 669, X т. 1 ч.) и разъ навсегда установленнаго (отъ 1 до 50 руб.), а въ видѣ компенсаціи въ размѣрѣ по усмотрѣнію и опредѣленію суда, подобно тому, какъ назначаются «по усмотрѣнію и опредѣленію суда» обиженному вознагражденіе, за ущербъ въ кредитѣ (ст. 670, X т. 1 ч.)? Судьи, постановившіе неправосудный приговоръ, сверхъ уголовнаго наказанія и возмѣщенія матеріальнаго ущерба, обязаны уплатить неправильно осужденному опредѣленную въ законѣ сумму денегъ (ст. 678, X т. 1 ч.). Спрашивается: можно ли взыскивать съ судей, должностныхъ и частныхъ лицъ вознагражденіе, напр., за лишеніе свободы, въ формѣ возмѣщенія вреда, а не дополнительнаго наказанія за проступокъ, не по предустановленной таксѣ, а по судейскому усмотрѣнію, сообразно тяжести вреда, продолжительности лишенія свободы и т. д.? На всѣ эти вопросы отвѣтъ можетъ быть одинъ: н ѣ т ъ д л я э т о г о п р е п я т с т в і й в ъ з а к о н ѣ, з а к о н ъ э т о м у н е п р о т и в и т с я [1]).

---

[1]) За безчестье дворянина или другого лица, находящагося на государственной службѣ, взыскивается въ пользу обиженнаго годовой окладъ получаемаго имъ жалованья (св. зак. гражд., изд. I, ст. 381), за обиду духовныхъ властей—вдвое больше, чѣмъ за обиду свѣтскихъ лицъ (ст. 382). Безчестье крестьянина примѣчаніе къ ст. 386. За обиду словомъ или на письмѣ городовому обывателю уплачивается столько, сколько тотъ платитъ въ этотъ годъ въ казну и въ городской доходъ. За ударъ рукой, хотя бы и безъ орудія, вдвое. Обозваніе кого-либо незаконорожденнымъ ст. 387.

[1]) Если считать, что устарѣлыя правила ст. 667 (о взысканіи безчестья) и 678 (о взысканіи за неправосудныя дѣйствія) съ ихъ чрезвычайно низкими оцѣнками причитающагося пострадавшему вознагражденія должны считаться дѣйствующими нормами, какъ формально не отмѣненныя, то во всякомъ случаѣ на нихъ нельзя сдѣлать юридическихъ построеній на почвѣ гражданскаго права о предѣлахъ возмѣщенія, а тѣмъ болѣе нельзя утверждать, что ими исчерпываются всѣ случаи вознагражденія за нематеріальный вредъ. Въ частности, что касается вознагражденія за оскорбленія, то аналогичныя постановленія о присужденіи обиженному опредѣленной денежной суммы въ уголовномъ порядкѣ содержатся въ законодательствахъ другихъ странъ, съ

Основной принципъ судебнаго возмѣщенія вреда выраженъ у насъ въ 574 и 693 ст.ст. X т. I ч. Первая статья, которую привыкли у насъ связывать съ исками о возвратѣ неосновательнаго обогащенія, трактуетъ на самомъ дѣлѣ объ основанномъ на охранѣ частныхъ правъ вознагражденіи за ущербъ, вредъ и убытокъ.

«Какъ по общему закону никто не можетъ быть безъ суда лишенъ правъ ему принадлежащихъ, то всякій ущербъ въ имуществѣ и причиненные кому-либо вредъ или убытокъ съ одной стороны налагаютъ обязанность доставлять, а съ другой производятъ право требовать вознагражденія».

Если обратиться къ помѣченнымъ подъ этой статьей источникамъ, то окажется, что прежде всего такимъ источникомъ послужилъ указъ 1716 г. марта 30, который въ арт. 147 (воинскіе артикулы) указываетъ: «И дабы озлобленный и обруганный свою надлежащую сатисфакцію или удовольствіе имѣлъ, когда онъ самъ не захотѣлъ самовольно отомщенье учинить, тогда долженъ свое дѣло принявъ выслушать и обиженному пристойное удовольствіе чинить». Дальнѣйшими источниками 547 ст. X т. I ч. значится указъ 1720 г. января 13, уставъ морской, кн. V, гл. XIII, гдѣ обиженному предоставляется судомъ искать сатисфакцію, манифестъ о поединкахъ съ его постановленіями объ обидахъ. Въ этихъ указахъ и манифестѣ нѣтъ рѣчи объ имущественномъ ущербѣ, а трактуется объ удовлетвореніи за обиды и посягательства на личное достояніе человѣка. Допустимо также, что ст. 574 X т. I ч. носитъ на себѣ вліяніе, хотя можетъ быть отдаленное, статьи австрійскаго уложенія, между прочимъ ст. 1328 [1]). Ст. 1323 австрійскаго уложенія, начиная собой, какъ и у насъ, отдѣлъ вознагражденія за вредъ, трактуетъ о возмѣщеніи вреда (Schadloshaltung), удовлетвореніи за причиненную обиду (Tilgung der Beleidigung), полномъ удовлетвореніи (volle Genugthung) и даетъ по авторитетному заключенію австрійскихъ юристовъ, право на возмѣщеніе чисто нравственнаго вреда [2]). Наряду со ст. 574 другая статья X т. I ч., а именно 693, подъ которой имѣется въ качествѣ источника законъ 20 ноября 1864 г., предписываетъ суду давать «удовлетвореніе и вознагражденіе» потерпѣвшему всякій вредъ и притомъ не только отъ неправомѣрныхъ дѣйствій, но и отъ неисполненія договоровъ и обязательствъ.

«Каждый имѣетъ право, въ случаѣ неисполненія по договорамъ, и обязательствамъ, а также въ случаѣ обидъ, ущербовъ и убытковъ, искать удовлетворенія и вознагражденія посредствомъ суда».

Хотя ст. 693 помѣщена въ отдѣлѣ, озаглавленномъ «О правѣ судебной защиты по имуществамъ», но безспорно, что заглавіе въ данномъ мѣстѣ, какъ и впрочемъ и во многихъ другихъ мѣстахъ X т. I ч., не соотвѣтствуетъ содержанію самаго отдѣла, трактующаго, между прочимъ, о давности по искамъ, не только значитъ имущественнымъ, но и личнымъ, объ обидахъ и т. д. [1]). При приведенныхъ указаніяхъ закона и при отсутствіи въ законѣ хотя бы тѣни напоминанія о томъ, что возмѣщенію подлежитъ исключительно матеріальный ущербъ, можно ли категорически утверждать, какъ то дѣлаютъ у насъ, что всякій потерпѣвшій, кромѣ имущественныхъ убытковъ, ни на что претендовать не вправѣ? Пусть сомнѣваются въ томъ, что законодатель, устанавливая правила возмѣщенія вреда, одинаково относился къ вреду имущественному и не-имущественному. Пусть даже законодатель не задавался серьезно мыслью о не-матеріальномъ вредѣ, а сосредоточивалъ вниманіе главнымъ образомъ на имущественномъ ущербѣ въ виду большинства случаевъ именно такого ущерба. Но разъ законъ не выразилъ категорическаго велѣнія по этому предмету, онъ по меньшей мѣрѣ развязалъ руки практикѣ и, не заполнивъ всего содержанія понятія, оставилъ мѣсто для приспособленія закона къ нуждамъ жизни. Если на буквѣ дѣйствующихъ законовъ нельзя обосновать стройной системы возмѣщенія нравственнаго вреда, то позволительно, однако, думать, что въ важныхъ случаяхъ такого вреда, какъ причиненіе смерти близкому человѣку, поврежденіе здоровья, обезображеніе, лишеніе свободы, оскорбленіе чести или женскаго цѣломудрія, нарушеніе привилегій и авторскихъ правъ, не исключая также случаевъ осязательнаго нравственнаго вреда отъ нарушенія договоровъ и обязательствъ, наши суды не грѣшили бы ни противъ смысла закона, ни противъ юридической логики, присуждая потерпѣвшему денежное вознагражденіе по справедливому усмотрѣнію. Практика исковъ о возмѣщеніи моральнаго вреда, если бы и явилась у

тою лишь разницей, что тамъ вознагражденіе (гораздо болѣе злачительное, чѣмъ у насъ), опредѣляется не вмѣсто наказанія, а вмѣстѣ съ наказаніемъ, при чемъ это вознагражденіе нисколько не препятствуетъ присужденію оскорбленному денежной суммы, по справедливому усмотрѣнію суда, за чисто моральный вредъ (см. Consolo, Trattato sul risarcimento del danno, 1908, s. 282).

[1]) Въ настоящее время фактъ заимствованія изъ иностранныхъ кодексовъ составителями закона 21-го марта 1851 г. долженъ считаться установленнымъ, тѣмъ болѣе, что объяснительная записка прямо ссылается на эти кодексы, въ томъ числѣ на австрійскій. См. А. И. Лыкошинъ, объ отысканіи недвижимыхъ имѣній изъ чужого владѣнія въ журн. гражд. и угол. права за 1888 г. № 4, стр. 35. Ср. Побѣдоносцевъ. курсъ, 3, стр. 594.

[2]) Pfaff, Zur Lehre von Schadenersatz und Genugthung nach Osterreichischem Recht, 1880, s. 11—23.

[1]) Законы о неустойкѣ также въ состояніи дать нѣкоторый матеріалъ для благопріятныхъ выводовъ по интересующему насъ вопросу. Такъ какъ искъ о неустойкѣ (ст. 1585, X т. I ч.) можетъ быть предъявленъ у насъ независимо отъ иска объ убыткахъ, то несомнѣнно, что неустойка, по мысли закона, должна обезпечивать потерпѣвшему отъ нарушенія договора вознагражденіе не только за имущественный ущербъ, но и за моральный вредъ (см. по этому поводу М. М. Винаверъ, изъ области цивилистики, 1908 г., неимущественный интересъ въ обязательствѣ, стр. 237). О двойственной роли неустойки, какъ возмѣщенія вреда экономическаго и не экономическаго, въ другихъ законодательныхъ системахъ см. изслѣдованіе проф. М. Я. Пергамента „Договорная неустойка и интересъ“, въ особенности стр. 168, 183, 190.

насъ нѣкоторой новизной, то во всякомъ случаѣ не большей, чѣмъ усвоеніе многихъ другихъ институтовъ гражданскаго права, нерѣдко совершенно незнакомыхъ нашимъ гражданскимъ законамъ и вводимымъ правительствующимъ сенатомъ соотвѣтственно запросамъ и требованіямъ жизни съ ея постояннымъ ростомъ и развитіемъ. Нѣтъ повода крѣпко держаться отжившихъ старыхъ воззрѣній въ дѣлѣ возмѣщенія моральнаго вреда. Необходимы рѣшительная защита личныхъ правъ и компенсація за вторженіе въ чужую моральную экономику, за нарушеніе и ослабленіе чужой индивидуальности. Безспорно, что возмѣщеніе моральнаго вреда связано съ нѣкоторымъ, быть можетъ не совсѣмъ обычнымъ для нашей практики, расширеніемъ полномочій суда, поскольку размѣръ присуждаемаго вознагражденія за нравственный вредъ зависитъ не отъ предустановленныхъ критеріевъ, а исключительно отъ свободнаго усмотрѣнія суда. Но дѣло въ томъ, что такія полномочія суда при опредѣленіи вознагражденія за вредъ не могутъ считаться совершенно чуждыми нашему закону. Законъ признаетъ широкое судейское усмотрѣніе въ назначеніи суммы вознагражденія за вредъ и убытки во многихъ случаяхъ. Подобное усмотрѣніе имѣетъ мѣсто отчасти при обезпеченіи обезображенной дѣвицы «приличнымъ» содержаніемъ по 663 ст. X т. I ч., при опредѣленіи («по усмотрѣнію суда») ежегодно денежныхъ суммъ потерпѣвшему разстройство въ здоровьи, по 661 ст. X т. I ч. Здѣсь, присуждая вознагражденіе, судъ долженъ руководствоваться состояніемъ тяжущихся, но кто же станетъ отрицать, что судьѣ въ этихъ предѣлахъ предоставленъ закономъ большой просторъ? Въ упомянутой выше ст. 670 X т. I ч., по которой понесшій ущербъ въ кредитѣ или имуществѣ вслѣдствіе личной обиды или оскорбленія имѣетъ право на вознагражденіе «по усмотрѣнію и опредѣленію суда», мы имѣемъ въ чистомъ видѣ «свободное усмотрѣніе», какъ оно понимается въ западно-европейской практикѣ (freie Ermessen). Изъ отдѣльныхъ, казуистическихъ постановленій закона можетъ быть выведена общая мысль для всѣхъ случаевъ: гдѣ возможно точное опредѣленіе размѣра, тамъ судъ долженъ его установить (ст. 671, 672, 673 и др. ст.ст. X т. I ч.), гдѣ это невозможно, законъ или даетъ широкія полномочія суду (661, 663 и 664 ст.ст. X т. I ч.) или даже предоставляетъ все усмотрѣнію суда (670 ст. X. т. 1 ч.). Повидимому, къ признанію возможности «справедливаго усмотрѣнія» при опредѣленіи количества вознагражденія за вредъ начинаетъ нынѣ склоняться и правительствующій сенатъ, который въ одномъ изъ послѣднихъ рѣшеній, касающемся имущественной отвѣтственности за смерть, упоминаетъ даже самый этотъ терминъ. («Предоставляя назначать вознагражденіе въ зависимости отъ особенностей каждаго случая по **справедливому усмотрѣнію суда**, законъ, очевидно, не требуетъ, чтобы... размѣръ имущественной отвѣтственности могъ быть назначаемъ въ заранѣе опредѣленномъ количествѣ»). [1]) Но какъ бы ни обстоялъ вопросъ о возможности свободнаго усмотрѣнія въ примѣненіи къ матеріальнымъ убыткамъ, по поводу нематеріальнаго вреда необходимо замѣтить, что здѣсь свободное, или справедливое усмотрѣніе является составной частью института, а потому и взглядъ на свободное усмотрѣніе въ данномъ случаѣ долженъ быть иной. Законъ можетъ противиться судейскому усмотрѣнію въ процессѣ объ убыткахъ, желая, чтобы размѣръ имущественнаго вреда всегда былъ точно доказываемъ. Но если законъ не отрицаетъ моральнаго вреда, онъ этимъ самымъ не отрицаетъ и судейскаго усмотрѣнія для данной категоріи дѣлъ, по отношенію къ которымъ нѣтъ и не можетъ быть иного масштаба при современномъ устройствѣ правосудія. Можно поэтому недружелюбно относиться къ свободному усмотрѣнію, когда рѣчь идетъ объ экономическомъ ущербѣ и въ то же время признавать необходимость возмѣщенія моральнаго вреда [1]). Такимъ образомъ, если даже считать доказаннымъ, что законъ отвергаетъ свободное усмотрѣніе судьи при имущественныхъ убыткахъ, то это еще не значитъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвергаетъ и возмѣщеніе не-матеріальнаго вреда. Достаточно признать въ данномъ случаѣ принципъ, и изъ него логически вытекаютъ всѣ послѣдствія. Противоположная аргументація, а именно такая, которая основывала бы непріемлемость ученія о возмѣщеніи не-матеріальнаго вреда на отсутствіи въ законѣ постановленія о допустимости «свободнаго усмотрѣнія» при опредѣленіи размѣра возмѣщенія, свидѣтельствовала бы о готовности жертвовать принципомъ ради частностей его примѣненія, ради соображеній догматическаго характера, не находящихъ къ тому же подкрѣпленія въ дѣйствительной догмѣ. Къ чему приводитъ на практикѣ отрицательное отношеніе къ институту нравственнаго вреда, стремленіе ограничивать область возмѣщенія случаями, когда налицо дѣйствительный матеріальный ущербъ, могущій къ тому же быть оцѣненъ копейка въ копейку,—знаетъ каждый, кто интересуется дѣятельностью нашихъ судовъ и состояніемъ нашего гражданскаго правосудія. Въ то время, какъ имущественные интересы, хорошо ли, худо ли, но ограждаются отъ посягательствъ воздѣйствіемъ суда на каждое нарушеніе и угрозой платежа убытковъ, личныя права, т. е. наиболѣе драгоцѣнныя для человѣка, почти совершенно не ограждены отъ нарушеній, если пострадавшій не желаетъ либо не можетъ прибѣгнуть къ помощи уголовныхъ каръ или если нарушеніе не составляетъ уголовно-наказуемаго дѣянія... Въ нашемъ законѣ регламентируются всѣ виды авторскаго права, которое законъ признаетъ и готовъ защищать. Поскольку въ

---

[1]) Рѣш. гражд. № 18—1908 г.

[1]) Такъ проф. Покровскій въ очеркѣ „Справедливость, усмотрѣніе судьи и судебная опека“ 1906 г. сильно ратуетъ противъ „справедливаго усмотрѣнія“, усвоеннаго проектомъ гражданскаго уложенія при взысканіи убытковъ, а въ „Обязательствахъ изъ деликтовъ въ проектѣ гражданскаго уложенія“ по поводу предполагаемаго закона о возмѣщеніи нравственнаго вреда высказывается, хотя и въ умѣренной формѣ (стр. 17), за расширеніе области примѣненія этого закона, неизбѣжно предполагающаго также судейское усмотрѣніе.

авторскомъ правѣ заключенъ элементъ экономическій, послѣдній встрѣтитъ самое бережное къ себѣ отношеніе со стороны суда: путемъ иска объ убыткахъ авторъ, въ случаѣ злоупотребленія его произведеніемъ, можетъ получить удовлетвореніе. Напротивъ, не встрѣтитъ такой защиты въ нашихъ судахъ личный элементъ, являющійся въ авторскомъ правѣ существеннымъ, моментъ духовной связи автора съ его произведеніемъ. Нѣкто, получивъ право издать произведенія извѣстнаго автора, произвольно сокращаетъ и даже передѣлываетъ, по своему усмотрѣнію, многія мѣста, ставя тѣмъ автора въ самое смѣшное положеніе. Редакторъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій, принявъ статью для напечатанія въ одномъ изданіи, помѣстилъ ее умышленно въ другомъ, непріятномъ автору, сопроводилъ ее обидными комментаріями и вообще сдѣлалъ изъ нея ненадлежащее употребленіе, публично издѣваясь надъ авторомъ. Авторъ можетъ испытывать «милліонъ терзаній», но въ искѣ о возмѣщеніи вреда ему откажутъ, за отсутствіемъ экономическаго ущерба. Или вотъ примѣры изъ другой области нарушеній.

Обольщенная молодая дѣвушка предъявила искъ къ обольстителю объ уплатѣ ей трехъ тысячъ руб. Отвѣтчикъ признаетъ фактъ обольщенія, свою вину, а также и состоятельность свою, заранѣе увѣренный, что ничѣмъ не рискуетъ и что «за обольщеніе» судъ ничего не присудитъ. Судьи всецѣло на сторонѣ истицы, но они не знаютъ, какъ ей помочь. Изъ объясненій судей съ истицей на судѣ видно, что судъ пытается, нельзя ли встать на точку зрѣнія «поврежденія здоровья и убытковъ». Смѣшная попытка, жалкая трагикомедія! Судъ уходитъ совѣщаться, но опытнымъ людямъ заранѣе извѣстно, какое будетъ рѣшеніе. Возвращаясь, послѣ продолжительнаго совѣщанія, въ залъ засѣданій, судъ объявляетъ объ отказѣ въ искѣ. Отвѣтчикъ уходитъ съ торжествующимъ видомъ.

Въ качествѣ отвѣтчика привлеченъ спортсменъ, который, упражняясь въ дачной мѣстности въ перебрасываніи съ одного мѣста на другое особыхъ палокъ, несмотря на протесты гуляющей публики,—попалъ палкой въ дачника и повредилъ ему лицо и глазъ. Къ великому своему удовольствію, спортсменъ узнаетъ, что ничѣмъ серьезнымъ поступокъ его не грозитъ ему: расходы на лѣченіе совершенно незначительны, такъ что пострадавшій не желаетъ ихъ и отыскивать, другихъ убытковъ истецъ доказать не можетъ, такъ какъ живетъ на получаемую имъ пенсію, а за «обезображеніе» нѣтъ никакой отвѣтственности.

Мать желаетъ получить вознагражденіе съ желѣзной дороги за то, что маленькій сынъ ея былъ изрѣзанъ въ куски промчавшимся поѣздомъ; вездѣ ей заявляютъ: «сына мы вамъ вернуть не можемъ». Но развѣ требованіе потерпѣвшей матери можно сравнить съ желаніемъ воскресить сына? Развѣ не въ правѣ она домогаться вознагражденія за причиненныя ей страданія? Безвозвратна потеря сына, безцѣнна утрата, но полученныя деньги дадутъ хоть что-нибудь [1]). Полученныя деньги мать, лишенная сына, въ состояніи будетъ потратить на воспитаніе второго малолѣтняго ребенка и тѣмъ доставить себѣ возможное удовлетвореніе и облегченіе.

Можно привести много казусовъ изъ ежедневной практики, когда необходимость считаться съ матеріальнымъ вредомъ бьетъ въ глаза своей очевидностью, а отказъ въ присужденіи потерпѣвшему вознагражденія претитъ элементарному чувству справедливости. Постоянное упорное игнорированіе моральнаго вреда и моральныхъ интересовъ, равнодушное отношеніе къ нимъ со стороны суда влекутъ за собой тотъ результатъ, что дается обильная пища досадѣ потерпѣвшаго, чувство раздраженія не находитъ выхода, растетъ ненужное озлобленіе, колеблется въ массѣ увѣренность въ личномъ правѣ и личномъ благѣ.

Вотъ почему всякая попытка суда въ противоположномъ направленіи должна вызывать и одобреніе и сочувствіе. Съ этой точки зрѣнія можно привѣтствовать отчасти рѣшеніе правительствующаго сената 21 января 1909 года по спору о нарушеніи авторскаго права, затронувшее, хотя и косвенно, вопросъ о не-имущественномъ вредѣ, при чемъ сенатъ высказалъ положенія, которыя рисуютъ нѣкоторыя перспективы для благопріятнаго разрѣшенія нашего вопроса. Ходатайствуя о признаніи, что отвѣтчикъ въ напечатанномъ послѣднимъ курсѣ бухгалтеріи присвоилъ себѣ часть принадлежащаго истцу литературнаго и научнаго труда, располагая лекціями истца, какъ своими, истецъ просилъ обязать отвѣтчика вознаградить его, истца, за «ущербъ и убытокъ» (сначала въ суммѣ двухъ тысячъ рублей, уменьшенной затѣмъ до 600 рублей). По обстоятельствамъ дѣла «ущербъ и убытокъ» являются въ данномъ случаѣ, очевидно, ничѣмъ инымъ, какъ возмѣщеніемъ морального вреда отъ незаконнаго пользованія чужимъ сочиненіемъ, могущаго къ тому же бросить тѣнь на автора въ виду сходства содержанія обоихъ произведеній. Судебная палата отказала въ искѣ на томъ основаніи, что эксперты отвергли наличность имущественнаго вреда. «За отсутствіемъ имущественнаго ущерба—рѣшила палата,—представляется излишнимъ входить въ обсужденіе возбужденнаго апелляторомъ вопроса о томъ, подлежитъ ли вообще ущербъ, понесенный вслѣдствіе позаимствованій, вознагражденію на основаніи ст. 684 свода законовъ гражданскихъ». Рѣшеніе это отмѣнено сенатомъ, не согласившимся съ доводами палаты о несущественности иного ущерба, кромѣ имущественнаго. Поскольку рѣшеніе сената не уходитъ своими выводами въ конкретныя условія даннаго дѣла, оно устанавливаетъ, повидимому, новое отношеніе сената къ общему вопросу о моральномъ вредѣ. Сенатъ считается съ матеріальнымъ ущербомъ, что уже знаменуетъ крупное движеніе впередъ. Еще недавно сенатская практика игнорировала не только моральный вредъ, но и вообще возможность для суда руководствоваться въ рѣшеніи не-имущественными интересами сторонъ. Сенатъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ (рѣш. 1903 г., № 83, по дѣлу Крузенштейнъ) отвергнувшій взысканіе неустойки, если неисполненіемъ обязательства не нарушенъ имущественный интересъ, и, стало

---

[1]) См. аналогичныя разсужденія Lehman'a по поводу сходнаго случая (Die Schutzlosigkest etc. s. 20).

быть, воспретившій сторонамъ учитывать не-матеріальный вредъ даже въ добровольномъ договорѣ, въ настоящее время признаетъ не-имущественный вредъ и основанныя на немъ притязанія. Сенатъ указываетъ, что нельзя все оцѣнивать съ точки зрѣнія матеріальной выгоды и барыша и что литературный трудъ, «какъ бы онъ ни былъ скроменъ», можетъ имѣть значеніе для истца внѣ той экономической выгоды, которую онъ приноситъ ему, почему надо ограждать автора отъ посягательства на его произведенія, хотя посягательство связано съ ущербомъ неденежнымъ. Все это, конечно, совершенно правильныя и плодотворныя мысли [1]). Склоняясь съ очевидностью къ расширенію понятія «вреда», рѣшеніе сената отъ 21 января 1909 г. оставляетъ пока открытымъ вопросъ о возмѣстимости не-экономическаго вреда, въ данномъ случаѣ о вознагражденіи за литературное заиствованіе, вредящее репутаціи автора, и находитъ лишь, что палата не имѣла правильнаго основанія оставить безъ разсмотрѣнія требованіе истца о признаніи наличности заимствованій въ виду отсутствія отъ такого позаимствованія «матеріальнаго для истца вреда». Несомнѣнно, однако, что въ настоящемъ дѣлѣ признаніе заимствованія и возмѣщеніе моральнаго вреда тѣсно связаны между собой. Судебная палата и должна будетъ, при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла отвѣтить, насколько правильно требованіе истца денежной суммы, можно ли ему присудить что либо и въ какомъ размѣрѣ. Съ трудомъ вѣрится, что при созданномъ сенатомъ положеніи вещей можно будетъ всетаки отказать истцу въ возмѣщеніи вреда подъ предлогомъ отсутствія въ законѣ указанія на способъ возмѣщенія: это было бы почти равносильно отказу въ правосудіи (ст. 9 уст. гр. суд.). Поставить не-матеріальный вредъ наряду съ матеріальнымъ и въ то же время отклонить возмѣщеніе не-матеріальнаго вреда потерпѣвшему значило бы расписаться въ безсиліи гражданскаго права и гражданскаго суда. А такъ какъ единственнымъ способомъ возмѣщенія моральнаго вреда является вознагражденіе потерпѣвшаго по справедливому усмотрѣнію суда, то къ этому способу можетъ и долженъ прибѣгнуть судъ. Передъ нашей судебной практикой открывается, такимъ образомъ, возможность легализировать принципъ возмѣщенія не-матеріальнаго вреда и этимъ пріобщиться въ данномъ вопросѣ къ тѣмъ правовымъ системамъ, которыя давно и съ пользой ввели этотъ принципъ путемъ ли законодательной санкціи или фактическаго примѣненія на практикѣ, какъ во Франціи, Италіи и пр. Усвоеніе этого принципа устранило бы много печальныхъ сторонъ въ нашемъ процессѣ о возмѣщеніи вреда и ускорило бы прогрессивное развитіе нашего гражданскаго права [2]). *С. Бѣляцкинъ.*

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Странно только, что наряду съ основательными разсужденіями о чисто личныхъ моментахъ авторскаго права сенату для чего-то понадобилось утвержденіе, столь же неожиданное, сколь и спорное, что „право литературной собственности признается дѣйствующимъ закономъ за право имущественное“

[2]) Послѣ того, какъ настоящій очеркъ былъ окончен. появилось опубликованнымъ рѣшеніе сената, по дѣлу Дамбы, № 46 за 1909 годъ, въ которомъ сенатъ развиваетъ теорію возмѣщенія не-матеріальнаго вреда по поводу случая увѣчья, возникшаго въ Царствѣ Польскомъ. По указанію сената въ этомъ рѣшеніи, законъ, устанавливая отвѣтственность за причиненный вредъ, не ограничиваетъ понятіе о вредѣ однимъ только матеріальнымъ ущербомъ потерпѣвшаго: наоборотъ подъ понятіемъ вреда въ отличіе отъ убытковъ, надо разумѣть всякій вредъ, всякое зло, которымъ подвергся потерпѣвшій. „Когда вредъ причиненъ лицу человѣка, подвергшагося увѣчью, то, при исчисленіи размѣра вознагражденія, судъ,—разъясняетъ сенатъ,—не только въ правѣ, но и обязанъ принять во вниманіе рядомъ съ матеріальнымъ ущербомъ и другія вредныя, не менѣе тяжкія и нерѣдко непоправимыя послѣдствія увѣчья, какъ-то: разстройство здоровья, физическое уродство, большая или меньшая безпомощность потерпѣвшаго и вообще болѣе или менѣе серьезное ухудшеніе въ условіяхъ его дальнѣйшей жизни“. Хотя, замѣчаетъ далѣе сенатъ, деньги въ подобныхъ случаяхъ являются далеко несовершеннымъ способомъ вознагражденія, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторое съ помощью ихъ улучшеніе и матеріальнаго положенія потерпѣвшаго можетъ, до извѣстной степени, компенсировать для него зло, причиненное ему увѣчьемъ. Лишеніе же его всякаго права на такую компенсацію не оправдывалось бы ни закономъ, ни справедливостью.

Эти знаменательныя разсужденія правительствующаго сената примѣнимы не только тамъ, гдѣ дѣйствуетъ гражданскій кодексъ Царства Польскаго, но и въ другихъ мѣстахъ Имперіи и могутъ быть съ успѣхомъ перенесены въ область нашего гражданскаго права.

О дополнительныхъ вопросахъ.

(Изъ новыхъ разъясненій правительствующаго сената).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ состоялось рѣшеніе сената, добавившее интересную черту къ современной характеристикѣ высшаго судилища имперіи.

На приговоръ особаго присутствія с.-петербургской судебной палаты по дѣлу такъ называемаго «союза трамвайщиковъ» защитникомъ одного изъ осужденныхъ по 1 ч. 102 ст. угол. улож., Р—ча, принесена была кассаціонная жалоба, въ которой излагалось слѣдующее.

Обвиняемый Р—чъ признавъ себя членомъ сообщества, поставившаго себѣ исключительно экономическую задачу—организацію борьбы трамвайныхъ служащихъ за свои непосредственные профессіональные интересы, и заявилъ себя противникомъ внесенія политическихъ стремленій въ дѣятельность союза. Вслѣдствіе этого защитникъ просилъ поставить дополнительный вопросъ по признакамъ 2 пункта 125 ст. угол. улож., предусматривающаго участіе въ сообществѣ, поставившемъ цѣлью своей дѣятельности «возбужденіе вражды... между хозяевами и рабочими». Особое присутствіе уважило ходатайство о постановкѣ дополнительнаго вопроса, но въ текстъ его включило слова «изъ политическихъ побужденій»—и не удовлетворило просьбы защиты объ исключеніи этихъ словъ, находя, что «наличность политическихъ побужденій является необходимымъ признакомъ преступленія, предусмотрѣннаго 2 п. 125 ст. угол. уложенія». Въ такой измѣненной редакціи условный

вопросъ былъ утвержденъ особымъ присутствіемъ, которое и оставило его безъ отвѣта, признавъ Р—ча виновнымъ, согласно выводамъ обвинительнаго акта, по 1 ч. 102 ст.

Въ своей жалобѣ кассаторъ указывалъ, что, по разъясненіямъ правительствующаго сената, наличность политическихъ стремленій составляетъ необходимый признакъ сообщества, предусмотрѣннаго только 1 п. 125 ст. угол. улож. (рѣш. 4 отд. угол. касс. деп. отъ 12 сент. 1908 г. по д. Кузьмина и друг.) и существенно отличнаго отъ тѣхъ сообществъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ п. 2 той же статьи,—могущихъ имѣть и другія, не политическія, а хотя бы «соціальныя» задачи (рѣш. 22/08 Яновскаго и др.); что поэтому включеніе «политическихъ» побужденій въ текстъ условнаго вопроса никакой необходимостью не вызывалось; что вмѣстѣ съ тѣмъ оно противорѣчило объясненіямъ подсудимаго и ходатайству защиты; что, слѣдовательно, требуемый защитою вопросъ, въ сущности, вовсе поставленъ не былъ, вопреки извѣстному разъясненію сената (723/74 Coba), согласно которому въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый сознался въ совершеніи преступленія менѣе тяжкаго, чѣмъ предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ, и защитникъ указалъ на это обстоятельство въ своей рѣчи, постановка вопроса о виновности въ этомъ преступленіи обязательна для суда, такъ какъ такой вопросъ не можетъ не быть признанъ вытекающимъ изъ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ; что, такимъ образомъ, отказавъ фактически въ постановкѣ просимаго защитой вопроса, палата нарушила ст. 125 п. 2 угол. улож. и ст. 751 уст. угол. судопр.

Жалоба была заслушана въ судебномъ засѣданіи 4 отд. угол. касс. деп. 14 октября 1910 г. (предсѣдательствовалъ сен. В. Н. Варваринъ, докладывалъ дѣло сен. В. Я. Бахтеяровъ, заключеніе давалъ тов. оберъ-прок. В. И. Залѣскій),—и правительствующій сенатъ призналъ: «что указаніе кассаціонной жалобы... на нарушеніе 751 ст. уст. угол. суд. неправильнымъ толкованіемъ 125 ст. угол. улож. при постановкѣ дополнительнаго условнаго вопроса о виновности Р—ча лишено значенія, такъ какъ при признаніи Р—ча виновнымъ по основному вопросу въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 102 ст. угол. улож., редакція условнаго вопроса, оставленнаго безъ отвѣта, не могла имѣть вліянія на правильность судебнаго приговора»... Слѣдуетъ ссылка на «рѣш. 1870 г. № 448 и др.».

Разъясненіе преподано въ общей и категорической формѣ: оно не содержитъ никакихъ соображеній, ограничивающихъ его силу и позволяющихъ отнести его къ данному только дѣлу; оно означаетъ, слѣдовательно, что и во всѣхъ вообще случаяхъ, когда условный вопросъ оставленъ судомъ, или присяжными, безъ отвѣта, неправильная его редакція никакого значенія не имѣетъ и служить поводомъ къ отмѣнѣ приговора не можетъ...

Это звучитъ такою чрезвычайною новизной, что прежде всего является потребность прослѣдить дѣлаемую сенатомъ ссылку и удостовѣриться: неужели и раньше у насъ считалось, что текстъ условнаго вопроса, какъ бы ни былъ онъ противорѣчивъ и неправиленъ, есть обстоятельство безразличное, коль скоро разрѣшенъ утвердительно первый, основной вопросъ.

Обратимся же къ указываемому сенатомъ рѣшенію 70 г. № 448. Нѣкая Коняхина обвинялась по 1455 ст. улож. о нак.,—въ удушеніи своего пасынка,—а окружный судъ предложилъ на разрѣшеніе присяжнымъ засѣдателямъ вопросъ о причиненіи насильственныхъ дѣйствій, послѣдствіемъ которыхъ была смерть, отказавъ обвинителю въ постановкѣ вопроса по признакамъ ст. 1455,—и послѣдовавшій оправдательный вердиктъ и приговоръ былъ на этомъ основаніи опротестованъ прокурорскимъ надзоромъ. Сенатъ призналъ неправильнымъ отказъ суда въ постановкѣ вопроса по выводамъ обвинительнаго акта, но тѣмъ не менѣе оставилъ протестъ безъ послѣдствій, находя, что «какъ, по предложенному судомъ вопросу, присяжные засѣдатели отвергли виновность Коняхиной въ причиненіи пасынку ея какихъ либо насильственныхъ дѣйствій, то и добавленіе вопроса, по которому Коняхина подлежала бы болѣе строгой отвѣтственности, не могло имѣть вліянія на исходъ настоящаго дѣла».

Ясно, что между приведенными двумя сенатскими рѣшеніями,—старымъ, по дѣлу К—ной, и новымъ, по дѣлу Р—ча,—нѣтъ ничего общаго. Если они и допускаютъ какое нибудь сопоставленіе, то не по сходству, а скорѣе наоборотъ, по глубокому контрасту.

Не касаясь всѣхъ остальныхъ различій, остановимся только на одномъ, и самомъ существенномъ. Въ основу стараго сенатскаго опредѣленія положенъ былъ непререкаемый логическій выводъ: если кто нибудь оправданъ по менѣе тяжкому обвиненію, то онъ a fortiori былъ бы оправданъ и по болѣе тяжкому,—слѣдовательно, отсутствіе вопроса по этому послѣднему преступленію не могло имѣть вліянія на исходъ дѣла, такъ какъ оправдательный приговоръ послѣдовалъ бы во всякомъ случаѣ.

Попробуемъ примѣнить такое же разсужденіе къ сенатскимъ мотивамъ по дѣлу Р—ча,—получится: кто осужденъ по болѣе тяжкому обвиненію, тотъ былъ бы осужденъ и по менѣе тяжкому... Неоспоримо; но что отсюда слѣдуетъ? Да какъ разъ обратное предыдущему: здѣсь отсутствіе правильно поставленнаго дополнительнаго вопроса могло отразиться на приговорѣ самымъ существеннымъ образомъ. Будь поставленъ этотъ дополнительный вопросъ,—возможно, что на него и былъ бы данъ утвердительный отвѣтъ, а на основной вопросъ—отрицательный.

Напомнимъ, что въ дѣлѣ К—ной судъ предложилъ присяжнымъ засѣдателямъ только одинъ вопросъ, совершенно отказавъ одной изъ сторонъ—обвинителю въ постановкѣ законно требуемаго ею вопроса. И если нынѣ, по дѣлу Р—ча, правительствующій сенатъ считаетъ возможнымъ опираться на кассаціонное рѣшеніе по дѣлу К—ной, слѣдовательно, онъ тѣмъ самымъ выражаетъ готовность признать обстоятельствомъ безразличнымъ для исхода дѣла не только неправильное видоизмѣненіе требуемаго защитой во-

проса, но и самый отказъ въ постановкѣ такого вопроса, хотя бы налицо имѣлись всѣ условія, прикоторыхъ его постановка до сихъ поръ признавалась для суда обязательною.

Таковъ новый шагъ въ современной разъяснительной дѣятельности сената. «И другихъ» подходящихъ рѣшеній, кромѣ цитированнаго № 448/70, — надо думать, наиболѣе близкаго къ разсматриваемому, мы не могли найти. Разъясненіе сената по дѣлу Р—ча является первымъ, и нетрудно видѣть, что имъ въ корнѣ покрывается еще одна изъ существенныхъ гарантій, установленныхъ для подсудимаго закономъ и укрѣпленныхъ прежнею кассаціонною практикой.

Правда, ставъ на точку зрѣнія чистаго идеала,—на которой, конечно, и стоитъ правительствующій сенатъ,—можно совершенно спокойно утверждать, что при такомъ поворотѣ практики законные интересы обвиняемыхъ нисколько не пострадаютъ и даже выиграютъ; ибо всякое сомнѣніе толкуется въ ихъ пользу, и если выводы обвинительнаго акта и основанный на нихъ вопросъ не вполнѣ согласуются съ результатами судебнаго слѣдствія, а другого ближе имъ соотвѣтствующаго, альтернативнаго вопроса нѣтъ,—тѣмъ лучше для подсудимаго: вѣдь суду только и останется, что постановить волей-неволей оправдательный приговоръ... Но если съ отвлеченныхъ высотъ спуститься на уровень дѣйствительности, то картина получится нѣсколько иная. Передъ нами будутъ присяжные засѣдатели, быть можетъ возмущенные дѣяніемъ подсудимаго и въ такомъ случаѣ склонные скорѣе наказать его свыше мѣры содѣяннаго, нежели оправдательнымъ вердиктомъ отпустить его на всѣ четыре стороны. Передъ нами будутъ судьи, будутъ сословные представители, и если имъ придется выбирать, скажемъ, не между 126 и хотя бы 129 ст. угол. улож., а между 126 ст. и полнымъ оправданіемъ, при сознаніи самого подсудимаго въ дѣяніи предусмотрѣнномъ 129 ст., то мы боимся, что они будутъ поставлены въ печальную необходимость, даже при нѣкоторомъ несоотвѣтствіи выяснившагося дѣянія подсудимаго съ признаками 126 ст., всетаки, «волей-неволей», осудить его именно по этой статьѣ, и приговоръ вступитъ въ силу, ибо вѣдь оцѣнка доказательствъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ не подлежитъ... Возможны, конечно, особенно въ судѣ присяжныхъ, и оправдательные приговоры вслѣдствіе устраненія условнаго дополнительнаго вопроса. Какъ бы то ни было, а интересы правосудія пострадаютъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ.

Ал. Гуковскій.

Памяти Д. А. Червонецкаго.

(Некрологъ).

22 іюля въ Маіоренгофѣ на Рижскомъ взморьѣ утонулъ во время купанья приватъ-доцентъ императорскаго юрьевскаго университета присяжный повѣренный Дмитрій Африкановичъ Червонецкій. Смерть унесла молодую жизнь, безвременно прервавъ ее на тридцать третьемъ году отъ роду.

Покойный былъ воспитанникомъ юрьевскаго университета, въ которомъ по окончаніи курса юридическихъ наукъ былъ оставленъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессурѣ по каоедрѣ уголовнаго права подъ руководствомъ проф. П. П. Пусторослева. Посвятивъ себя догматической юриспруденціи, Д. А. желалъ соединить теоретическую выучку съ практической и съ этой цѣлью поступилъ въ помощники присяжнаго повѣреннаго. Пребываніе во время подготовки къ магистерскому экзамену въ Петербургѣ дало ему возможность изучать искусство судебной защиты подъ руководствомъ столь опытнаго и просвѣщеннаго патрона, какъ прис. пов. С. А. Андреевскій. По выдержаніи магистерскаго экзамена и защитѣ въ 1907 году диссертаціи pro venia legendi о «Мошенничествѣ по русскому праву», Д. А. получилъ званіе приватъ-доцента уголовнаго права и процесса и тогда же былъ командированъ съ министерской стипендіей на два года за границу для усовершенствованія въ своей научной спеціальности. За эти два года онъ посѣтилъ различные научные центры Германіи, Франціи и Англіи, но главнымъ образомъ работалъ въ извѣстномъ семинаріи уголовнаго права проф. Листа въ берлинскомъ университетѣ. По возвращеніи изъ-за границы Д. А. читалъ въ юрьевскомъ университетѣ по порученію юридическаго факультета обязательные курсы по уголовному процессу и по различнымъ отдѣламъ особенной части уголовнаго права. Вскорѣ за истеченіемъ срока стажа Д. А. получилъ званіе присяжнаго повѣреннаго и съ 1910 г. началъ самостоятельную дѣятельность уголовнаго защитника.

Отличительной особенностью научнаго настроенія покойнаго былъ его прагматизмъ, — сильное чувство непосредственной связи теоріи съ практикой. Такое настроеніе вполнѣ соотвѣтствовало избранной имъ спеціальности юриста-догматика. Оно наполняло его теоретическія занятія біеніемъ жизни и снабжало его практическія выступленія въ судѣ прочными устоями научной юриспруденціи.

Университетскія чтенія Д. А., всегда тщательно отдѣланныя со стороны внѣшней формы и богатыя внутреннимъ содержаніемъ, привлекали къ себѣ напряженное вниманіе слушателей. Молодые люди въ преддверіи судебной практики прекрасно сознавали, что Д. А. не только снабжаетъ ихъ обильнымъ и доброкачественнымъ запасомъ теоріи, но и указываетъ имъ пріемы предстоящаго примѣненія ея на практикѣ. За это именно студенты цѣнили и любили своего молодого учителя.

Смерть постигла Д. А. въ самомъ началѣ его самостоятельной научной работы. Вполнѣ понятно поэтому, что оставленное имъ научное наслѣдіе не можетъ быть велико. Сверхъ названной выше диссертаціи pro venia legendi мы имѣемъ отъ покойнаго еще одно печатное произведеніе,—вступительную лекцію о задачѣ и пріемахъ изученія уголовно-процессуальнаго права. Злосчастная судьба не дала ему окончить большой работы о государственныхъ преступленіяхъ, которая должна была послужить автору въ качествѣ магистерской диссертаціи. Весь нужный для нея матеріалъ былъ собранъ покойнымъ въ те-

ченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ книгохранилищахъ русскихъ и заграничныхъ, въ канцеляріяхъ нашихъ законодательныхъ учрежденій и въ сборникахъ кассаціонной практики сената. Матеріалъ этотъ постепенно обрабатывался и отдѣльныя части работы были уже окончательно написаны, таковы: очеркъ исторіи государственныхъ преступленій въ Россіи и нѣкоторые отдѣлы догматической части. Друзья покойнаго не преминутъ издать все то изъ его научно-литературнаго наслѣдія, что было вполнѣ отдѣлано имъ для печати.

Длившаяся всего лишь годъ съ небольшимъ адвокатская дѣятельность Д. А. была въ высшей степени успѣшной и, можно сказать, блестящей. Покойный сразу завоевалъ себѣ широкую практику и проявилъ въ ней крупныя дарованія искуснаго юриста и прекраснаго судебнаго оратора. Покойный полагалъ задачу уголовной защиты не только въ надлежащей оцѣнкѣ матеріала судебныхъ доказательствъ, не только въ яркомъ изображеніи бытовой и психологической обстановки преступленія, но и въ тонкомъ догматическомъ анализѣ тѣхъ нормъ матеріальнаго и процессуальнаго права, съ которыми приходилось имѣть дѣло. Умѣлое и тщательное исполненіе послѣдней задачи было особенно цѣнно въ защитительныхъ рѣчахъ покойнаго, такъ какъ ему по мѣсту дѣятельности приходилось выступать всегда предъ коронными судьями. Какъ уголовный защитникъ, Д. А. снискалъ себѣ признаніе и уваженіе среди магистратуры, адвокатуры и широкихъ общественныхъ круговъ. Судьи внимательно прислушивались къ его голосу и неизмѣнно принимали его въ соображеніе при изреченіи своихъ приговоровъ. Довѣріе товарищей по сословію призвало его, несмотря на молодость, въ руководители юрьевской конференціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ по криминалистикѣ. Изъ всѣхъ національныхъ и общественныхъ группъ населенія Прибалтійскаго края шли къ нему кліенты. Въ условіяхъ разноплеменной жизни окраинъ нѣтъ мѣста для немотивированныхъ симпатій, и потому то соболѣзнованіе, съ которымъ отнеслась къ кончинѣ Д. А. Червонецкаго печать Юрьева и Риги, является несомнѣннымъ показателемъ и профессіональныхъ, и общечеловѣческихъ достоинствъ личности покойнаго.

Д. А. былъ прекраснымъ и обязательнымъ товарищемъ. Это свое качество онъ проявилъ еще на студенческой скамьѣ, за что и пользовался большимъ довѣріемъ товарищеской среды. Въ бытность студентомъ Д. А. состоялъ по избранію предсѣдателемъ «Русскаго общества студентовъ» въ Юрьевѣ. Столь же хорошія товарищескія отношенія установились у него и въ пору его самостоятельной общественной дѣятельности какъ въ университетской, такъ и въ адвокатской средѣ.

Несчастный случай безжалостно прервалъ эту молодую жизнь, которая такъ хорошо началась и такъ много обѣщала въ будущемъ. Мучительно больно за нее и глубоко обидно.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ!

Проф. Тарановскій.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

С.-Петербургскій окружный судъ.

Дѣло о подлогѣ духовнаго завѣщанія).

(*Продолженіе*) [2]).

Во второй части своей рѣчи, произнесенной 21 мая, тов. прокурора Ненарокомовъ измѣнилъ сухой, дѣловой тонъ, взятый имъ наканунѣ. И она отличалась горячностью, переходившей въ страстность.

— Вчера я остановился на томъ,—началъ обвинитель,—какъ 4 августа офицеръ перваго въ Имперіи полка, въ присутствіи шталмейстера Высочайшаго Двора, подписывалъ всеподданнѣйшее прошеніе о дарованіи ему права на титулъ, въ силу завѣщанія, подложность котораго имъ была извѣстна.

Съ подачей этого прошенія Вонлярлярскіе торопились.

Они знали, что у родственниковъ князя Огинскаго завѣщаніе встрѣтитъ, непремѣнно, противодѣйствіе. О всеподданнѣйшемъ же прошеніи другіе наслѣдники не были извѣщены; и если бы оно достигло желаемыхъ результатовъ, то наслѣдники были бы поставлены въ тяжелое положеніе: оспаривать завѣщаніе, на основаніи котораго Высочайше дарованъ титулъ, было какъ будто бы неудобно.

Капитанъ Вонлярлярскій подалъ всеподданнѣйшее прошеніе, наведя предварительно справки у генерала Клейгельса о томъ, можно ли разсчитывать на успѣхъ; отвѣтъ былъ удовлетворительный. Вскорѣ же баронъ Будбергъ представилъ въ сенатъ прошеніе съ резолюціей о томъ, что прошеніе должно быть разсмотрѣно, хотя князь Огинскій при жизни о томъ и не просилъ. Само утвержденіе завѣщанія было проведено также быстро.

И только изъ газетной замѣтки родственники кн. Огинскаго неожиданно узнали, что завѣщаніе нашлось и что большая часть состоянія должна перейти въ руки Вонлярлярскихъ, о которыхъ они дотолѣ не знали.

Графъ Потулицкій подалъ прокурору жалобу; возникло слѣдствіе. Вонлярлярскіе возмущались: по ихъ мнѣнію, не было основанія для вмѣшательства судебной власти; они говорили, что жалоба графа Потулицкаго голословна; законъ требуетъ, чтобы приведены были доказательства. Это — неправда! Законъ не можетъ обязывать частныхъ лицъ доставлять доказательства. Добыть ихъ можетъ только судебная власть.

Но въ то же время въ домѣ Вонлярлярскихъ не прекращалось ликованіе, радость была велика, мечты слѣдовали за мечтами, заключался договоръ за договоромъ; каковы отношенія у нихъ съ адвокатами— это ихъ личное дѣло; ихъ воля была заключать договоры, для себя обременительные.

Но повѣреннымъ Вонлярлярскихъ приходилось исполнять обязанности, выходившія изъ рамокъ адвокатуры, порой даже поступаться самолюбіемъ, и дѣлу посвящать слишкомъ много времени, и потому вполнѣ понятно, что гонораръ они требовали повышенный.

Прокуроръ далѣе подробно останавливается на извѣстной „запискѣ о наслѣдствѣ“, составленной Вонлярлярскимъ подъ редакціей Бородина. Записка эта, „омерзительная по содержанію“, полная инсинуацій и лжи, была разослана Вонлярлярскими членамъ Государственнаго Совѣта и министрамъ. Капитанъ Вонлярлярскій хлопоталъ даже о вручении ея черезъ генерала Курлова „главѣ объединеннаго правительства“ П. А. Столыпину. Вонлярлярскіе не постѣснялись использовать даже смерть Н. М. Вонлярлярскаго. Въ этой брошюрѣ проводилась тенден-

---

[1]) См. №№ 25—30 „Права“.

ція, что генералъ Николай Вонлярлярскій былъ убитъ трагически бомбой, благодаря будто бы польской интригѣ со стороны наслѣдниковъ завѣщанія для того, чтобы жена Огинскаго могла „зарыть мужа въ психіатрической лечебницѣ“. Въ одномъ экземплярѣ брошюры, найденномъ у капитана Вонлярлярскаго, имѣлись около нѣкоторыхъ мѣстъ содержанія помѣтки „инсинуація“, сдѣланныя на поляхъ рукой капитана Вонлярлярскаго. Этотъ экземпляръ, конечно, назначался для судебной власти, генералу же Курлову былъ переданъ экземпляръ безъ всякихъ помѣтокъ.

7-го сентября, уже послѣ утвержденія завѣщанія, Дм. Вонлярлярскій отправилъ цѣлый рядъ писемъ: кн. Огинской съ извѣщеніемъ о томъ, что завѣщаніе утверждено, причемъ, между прочимъ, упоминалось, что „вѣдь воля покойнаго для нея священна“; графу Залусскому онъ предложилъ представить доказательства, опорачивающія завѣщаніе и предъявить свои права. Гр. Залусскій на это письмо не отвѣтилъ. Дм. Вонлярлярскій былъ оскорбленъ до глубины души. Единственный отвѣтъ подготовлялся—обращеніе къ прокурору, и Вонлярлярскіе этотъ отвѣтъ получили.

Сен. Максимовичъ, согласившійся быть опекуномъ, наткнулся на рядъ непріятныхъ обстоятельствъ; онъ зналъ, между прочимъ, что свидѣтелямъ были выданы денежныя обязательства еще до утвержденія завѣщанія. Сен. Максимовичъ высказалъ свое мнѣніе Вл. Вонлярлярскому; тотъ спокойно отвѣтилъ:

— Какіе вы односторонніе люди.

Но судебная власть раздѣляетъ взглядъ сен. Максимовича: выдача обязательствъ, когда завѣщаніе не существуетъ, исключительно для того, чтобы оно существовало,—это уже преступленіе, подстрекательство къ совершенію подлога. Сен. Максимовичъ, ознакомившись съ документами, пришелъ къ выводу, что Дм. Вонлярлярскій не является старшимъ сыномъ Вл. Вонлярлярскаго; завѣщаніе же составлено именно въ пользу старшаго сына.

По мнѣнію прокурора, у Вонлярлярскихъ существовалъ планъ составить завѣщаніе прямо въ пользу Дмитрія, но планъ этотъ измѣнился: Дмитрій слишкомъ далеко стоялъ отъ князя Богдана Огинскаго, а генерала Николая Вонлярлярскаго все же видѣли въ Ретово у Огинскихъ. Завѣщаніе составлено хитро, но, чувствуя, что дѣло само по себѣ нехорошее, грязное, готовя завѣщаніе, прикладывая къ нему руку, Дм. Вонлярлярскій постѣснялся поставить свое имя и ограничился указаніемъ на старшинство.

Юристы доказывали Вонлярлярскимъ, что старшимъ сыномъ является не Дмитрій, а Юрій, но они и слушать не хотѣли и продолжали хлопоты объ узаконеніи Дмитрія, забывая, что этимъ лишаютъ законныхъ правъ первородства Юрія; это уже несомнѣнное доказательство общности интересовъ соучастниковъ преступленія!

Прокуроръ указываетъ далѣе на то, что оба Вонлярлярскіе широко использовали завѣщаніе для пріобрѣтенія кредита.

Переходя затѣмъ вновь къ хронологическому изложенію обстоятельствъ дѣла, обвинитель отмѣчаетъ, что, когда выяснилась невозможность получить изъ суда завѣщаніе обратно, Вл. Вонлярлярскій страшно заволновался; и это волненіе съ дальнѣйшимъ теченіемъ дѣла все возрастало и возрастало. Когда прис. пов. Бородинъ, явившись къ нему отъ слѣдователя, сказалъ, что послѣдній требуетъ доставленія ему всѣхъ документовъ, Вл. Вонлярлярскій запротестовалъ:

— Это раскрытіе профессіональной тайны, это значитъ отдать оружіе въ руки враговъ.

Понемногу положеніе ухудшилось. 14-го апрѣля состоялось постановленіе о привлеченіи цѣлаго ряда лицъ: 24-го апрѣля—о привлеченіи Дм. Вонлярлярскаго. Вл. Вонлярлярскій горячился.

— Да неужели же можно взять людей ни за что, ни про что,—говорилъ онъ свидѣтелю С. Д. Набокову.

— Да гдѣ вы живете? Неужели вы не знаете, что за подлогъ сажаютъ въ тюрьму,—получилъ онъ отвѣтъ.

6-го мая Дм. Вонлярлярскій былъ арестованъ. 21-го мая сознался въ подлогѣ Ольшевскій. Въ сентябрѣ, на свиданіи съ женой, сознался и Дм. Вонлярлярскій; онъ сказалъ, что призналъ себя виновнымъ въ подлогѣ, въ которомъ принималъ участіе и его отецъ. Онъ сдѣлалъ это всецѣло подъ вліяніемъ отца.

Дм. Вонлярлярскій приносилъ сознаніе, рыдая у ногъ жены; онъ почувствовалъ, что идти далѣе по пути лжи ему нельзя, и онъ захотѣлъ заявить правду.

Женѣ его было извѣстно, какое огромное вліяніе имѣлъ на сына полковникъ Вонлярлярскій. Отецъ и сынъ дополняли другъ друга; если бы у сына явился моментъ колебанія, то поддержкой ему являлись совѣты отца. Жена не могла не повѣрить объясненіямъ мужа; она хорошо знала обоихъ; если бы онъ ей сталъ разсказывать о томъ, что вовлекъ его въ преступленіе Длуголенцкій, Пилецкій, или кто-нибудь другой, то она бы не повѣрила и могла бы сказать:

— Да неужели ты ставилъ на карту мое счастье, счастье твоего ребенка, сходясь съ такими людьми.

Она знала, что около мужа была воля, выкованная изъ стали, воля его отца, которая выносила его, когда онъ ослабѣвалъ. Она вѣрила, жалѣла его и... продолжала уважать его, можетъ быть потому, что сознавала: меньшая сила поддалась большей.

Капитанъ Вонлярлярскій принесъ сознаніе въ преступленіи, но постепенно взялъ его обратно.

Держа сына здѣсь подъ своимъ орлинымъ взоромъ, полковникъ Вонлярлярскій задавалъ ему рядъ вопросовъ, и сынъ отвѣчалъ ему: не помню, не признаю.

Отецъ одержалъ, здѣсь блестящую побѣду лучшую, чѣмъ въ своихъ имущественныхъ дѣлахъ, но положеніе сына сдѣлалъ безнадежнымъ.

— Я не вызывалъ сюда жены полковника Вонлярлярскаго потому, что она не только жена, но и мать; я понялъ, что ей придется стать въ трагическое положеніе: ей придется говорить о двухъ подсудимыхъ; спасая одного—она погубитъ другого. Ее вызвалъ Вл. Вонлярлярскій, и здѣсь мы присутствовали при страшной трагедіи; мы видѣли, какъ жена спасала мужа, какъ мать топила сына собственной рукой.

Ей предстоялъ выборъ, и она его сдѣлала: сынъ—лжецъ, отецъ—свѣтлый, святой человѣкъ. И когда все было кончено, когда она показала все, что надо было полковнику Вонлярлярскому, тогда послѣдній, „какъ актеръ подъ занавѣсъ“, вскричалъ: Довольно... я отказываюсь отъ допроса!

— Вл. Вонлярлярскій былъ большой баринъ,—говоритъ прокуроръ.—Для него было все возможно. Какимъ тономъ звучитъ отобранная у него записка: „Вызвать ксендза Сидоровича, дать ксендзу Калинкѣ назначеніе внѣ Петербурга“... Ксендзъ Калинка, скромный, сѣрый человѣкъ, столкнулся съ могущественнымъ бояриномъ Вонлярлярскимъ, и его надо устранить, сбросить.

Какая глубокая развращенность. Какое ужасное положеніе было бы страны, если бы отъ Вонлярлярскихъ зависѣла судьба маленькихъ людей, если бы они безнаказанно могли „ломать имъ шеи“, давать назначеніе или устранять отъ должностей. Насколько полк. Вонлярлярскій отождествлялъ свои интересы съ интересами, страны видно изъ того разговора съ генераломъ Скалономъ, въ которомъ онъ просилъ генерала представить графа Потулицкаго къ пожалованію въ камергеры только потому, что этого захотѣлось ему, Вонлярлярскому!

Во все время рѣчи прокурора больше всѣхъ

волнуется подсудимый Казанджіевъ. Волнуется и его жена, сидящая на хорахъ. Когда же прокуроръ начинаетъ говорить о томъ, что Казанджіевъ изо всѣхъ подсудимыхъ производитъ на него наиболѣе благопріятное впечатлѣніе, съ женой Казанджіева дѣлается истерика, такъ что предсѣдатель долженъ былъ на нѣсколько времени прервать засѣданіе.

Товар. прокурора противъ всѣхъ подсудимыхъ, за исключеніемъ Казанджіева, формулируетъ обвиненіе по выводамъ обв. акта.

— Эти люди думали,—говоритъ онъ,—что не они существуютъ для Россіи, а Россія для нихъ и разсматривали страну съ точки зрѣнія полезности ея для ихъ частныхъ интересовъ. Съ этими людьми стѣсняться не слѣдуетъ. И если они думаютъ, что они выше закона, то вы, гг. присяжные засѣдатели, со спокойной совѣстью можете опустить на ихъ головы вашу карающую руку.

— Если бы даже рѣчь прокурора,— говоритъ представитель гражданскаго иска прис. пов. В. А. Маклаковъ,—и не продолжалась полтора дня, то наше положеніе, положеніе гражданскихъ истцовъ въ настоящемъ дѣлѣ, было бы такъ же легко. Единственнымъ нашимъ противникомъ является Михаловскій. Онъ, что называется, вышелъ изъ рамокъ и, несмотря на тѣ ироническія улыбки, которыми встрѣчали его объясненія даже его товарищи по скамьѣ подсудимыхъ, продолжалъ утверждать, что завѣщаніе подлинно и что все настоящее дѣло не болѣе, не менѣе, какъ симуляція подлога. Его объясненія здѣсь на судѣ производили такое впечатлѣніе, какъ будто бы, вмѣсто стройно составленнаго оркестра, играетъ одна разстроенная скрипка. Музыкантъ, можетъ быть, и опытный, и хорошій, увлекся, не замѣчаетъ, что капельмейстеръ уже ушелъ, что перестали играть всѣ его товарищи, и продолжаетъ все тотъ же мотивъ одинъ, на своей скрипкѣ. Надѣюсь, вы не потребуете отъ меня, чтобы я опровергалъ эти его объясненія. Въ самомъ дѣлѣ, о какой симуляціи здѣсь говорится? Я понимаю, если бы эта симуляція произведена была здѣсь, на судѣ, но симулянты этимъ не ограничились, они пошли гораздо дальше и начали заготовлять свою симуляцію гораздо ранѣе, а именно, еще въ 1903 г. Они не ограничились подкупомъ Ярошевскаго, Ольшевскаго и Домбровскаго для отказа ихъ отъ своихъ подписей на завѣщаніи. Нѣтъ, они заготовили цѣлый рядъ подложныхъ документовъ, составленныхъ заднимъ числомъ. Такіе подложные документы оказались и въ производствѣ подсудимаго Ольшевскаго, и въ книгахъ костела св. Екатерины. Но дальше всѣхъ въ этомъ направленіи пошелъ ксендзъ Домбровскій: онъ еще задолго до 1903 г. сталъ вести себя такъ, чтобы подорвать къ себѣ всякое довѣріе, чтобы теперь уже не могло быть никакого сомнѣнія, что хранителемъ духовнаго завѣщанія онъ быть не могъ. Такой хитрости, такой интриги отъ лицъ, заинтересованныхъ въ симуляціи подлога завѣщанія, ожидать трудно и повѣрить имъ нельзя.

Чтобы прибавить что-либо къ тому, что здѣсь сказалъ уже прокуроръ, мнѣ хотѣлось бы поставить одинъ основной по этому дѣлу вопросъ: какъ подобная безумная мысль, исключительная по своей дерзости мысль, могла придти въ голову кому бы то ни было? Можно совершить подлогъ духовнаго завѣщанія. Около него можно совершить рядъ другихъ мелкихъ подроговъ и преступленій. Но чтобы рѣшиться изъять колоссальное наслѣдство, и не изъ рукъ казны, которая часто въ такихъ случаяхъ бываетъ небрежна къ своимъ интересамъ, а изъ рукъ законныхъ наслѣдниковъ, изъ рукъ лицъ, привыкшихъ считать его въ будущемъ своимъ и передать это наслѣдство кому-то чужому, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, съ нарушеніемъ всѣхъ и семейныхъ, и религіозныхъ, и національныхъ традицій,—это не всякому по плечу. Одна мысль объ этомъ такъ же, какъ и пріемы ея осуществленія, свидѣтельствуютъ о человѣкѣ съ широкимъ размахомъ, съ увѣренностью въ томъ, что дѣло о завѣщаніи до суда не дойдетъ, что удастся пойти на мировую съ законными наслѣдниками. Вотъ чѣмъ объясняется поѣздка Дм. Вонлярлярскаго въ Ретово. Ему нужно было познакомиться съ кн. Огинской, узнать, какъ отнесется она къ вѣсти о завѣщаніи. И если бы княгиня просто попросила бы его удалиться, то, по всей вѣроятности, и завѣщанія бы этого не было. Вторая рекогносцировка была сдѣлана въ отношеніи графа Потулицкаго. И гр. Потулицкій не смѣялся имъ въ глаза, когда они говорили о завѣщаніи, а они думали, что онъ имъ вѣритъ. Потому-то они и пришли въ искреннее негодованіе когда тотъ же графъ Потулицкій подалъ заявленіе прокурору.

Этого еще мало; если бы согласилась кн. Огинская, согласился гр. Потулицкій, завѣщаніе все-таки могло быть оспариваемо кѣмъ-либо изъ другихъ законныхъ наслѣдниковъ. На что же тогда могли разсчитывать подсудимые? Они разсчитывали на связи, и это не мелочь, не деталь, а основа процесса. Бываютъ профессіональные недуги, бываютъ профессіональныя преступленія,—такимъ именно преступленіемъ и кажется мнѣ настоящій подлогъ. Вѣдь человѣкъ безъ связей не могъ бы даже подумать о возможности осуществленія такого предпріятія. Связи, вліяніе Вонлярлярскихъ, ихъ всесильное могущество — это корень дѣла, и питаемые имъ ростки разсыпаны по всему дѣлу, сказываются и въ большомъ, и въ маломъ. Въ этомъ отношеніи характерна и комичная фигура Михаловскаго въ цилиндрѣ и красномъ жилетѣ, какъ Чичиковъ за „Мертвыми Душами“, разъѣзжающаго въ поискахъ за ксендзомъ, который бы согласился подписать подложное завѣщаніе. Онъ служилъ интересамъ Вонлярлярскихъ, интересамъ людей могущественныхъ, и часть этого могущества придавалъ и себѣ: здѣсь онъ повѣдалъ намъ о той тайнѣ, которая окружаетъ его высокое происхожденіе, а тамъ, у ксендзовъ, онъ былъ нѣсколько скромнѣе и именовалъ себя агентомъ охраннаго отдѣленія. Характерно и приглашеніе къ участію въ дѣлѣ прис. пов. Казанджіева. Онъ былъ приглашенъ потому, что велъ дѣла жены министра юстиціи. А ужинъ у Лейнера и блестящая рѣчь Адамчевскаго? Но я пойду еще далѣе. Припомните инцидентъ ксендза Петкевича съ ген.-ад. Клейгельсомъ. Я не знаю, раскаивался ли, въ дѣйствительности, такъ Петкевичъ, какъ говоритъ объ этомъ прокуроръ, молился ли онъ передъ тѣмъ Распятіемъ, которое подарилъ ему Дм. Вонлярлярскій, но позвольте мнѣ подойти къ этому инциденту съ другой стороны. Тотъ самый генералъ Клейгельсъ, который могъ заставить выѣзжать къ нему цѣлый судъ, ранѣе потребовалъ къ себѣ и ксендза Петкевича. Ксендзъ Каревичъ разсказывалъ намъ, что, по словамъ ксендза Петкевича, генералъ Клейгельсъ предлагалъ послѣднему подписать подложное духовное завѣщаніе. Я думаю, что Петкевичъ ошибался, что генералъ Клейгельсъ подписать подложное завѣщаніе ему не предлагалъ. Но я вполнѣ понимаю, что такое впечатлѣніе отъ разговора съ генераломъ Клейгельсомъ у Петкевича могло остаться.

Пойду еще дальше. Въ этомъ дѣлѣ можно было бы обойтись и безъ цилиндра Михаловскаго, и безъ лейнеровской рѣчи, и безъ генерала Клейгельса, но есть одно, нѣчто гораздо большее, безъ чего это подложное завѣщаніе не могло бы существовать. Согласно ему, къ Д. Вонлярлярскому должны были перейти родовыя имущества князей Огинскихъ. По закону родовыя имущества завѣщаніемъ лицу, совершенно постороннему, перейти не могутъ. Значитъ, самая мысль о такомъ переходѣ могла возникнуть только у того, кто понималъ, что законъ для него не вполнѣ обязателенъ.

— Очевидно,—повторяетъ В. А. Маклаковъ,—что или это было покушеніе съ негодными средствами,

или же подсудимые разсчитывали, что они добьются своего „въ изъятіе закона“. Родовыя имущества могутъ переходить исключительно по Высочайшему повелѣнію и по просьбѣ того лица, кому они принадлежатъ. Распоряженія Высочайшей власти касались у насъ, въ Россіи, весьма многаго, но до сихъ поръ частныхъ имуществъ они не затрагивали. Но то, что было бы невозможно для всякаго простого смертнаго, казалось вполнѣ возможнымъ для Вонлярлярскихъ. Обыкновенный человѣкъ могъ бы обходить законъ, могъ его обманывать, но не могъ надѣяться на прямое его нарушеніе въ свою пользу. Могли ли они это сдѣлать или нѣтъ, мы не знаемъ, я думаю, что такое рѣшеніе не было бы утверждено...

— Я прошу васъ,—прерываетъ предсѣдатель,—о такихъ возможностяхъ не говорить.

— Я и не говорю, наоборотъ, я считаю это невозможнымъ,—заявляетъ Маклаковъ и продолжаетъ.

— Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Дм. Вонлярлярскій не является старшимъ сыномъ Владиміра, то они, Вонлярлярскіе, передъ этимъ не остановились и опять-таки, въ прямое нарушеніе правъ третьяго лица, Юрія Вонлярлярскаго, обратились съ ходатайствомъ на Высочайшее Имя о признаніи за Дмитріемъ всѣхъ правъ старшаго сына. Я не берусь здѣсь толковать значеніе Высочайшаго повелѣнія по этому поводу, я только указываю, что Вонлярлярскіе считали для себя все возможнымъ и ни передъ чѣмъ не останавливались. Вотъ роль связей. Была мысль вообще обойти утвержденіе духовнаго завѣщанія судомъ, но на это они не пошли, они пошли обходнымъ путемъ и подали прошеніе объ утвержденіи за Дмитріемъ титула и герба князя Огинскаго. Къ счастью, этого не случилось. Но вѣдь сенатъ могъ бы и не ждать утвержденія завѣщанія судомъ и вотъ тогда мы стали бы въ ужасное положеніе, такъ какъ намъ пришлось бы доказывать, что Высочайшая воля вытекала изъ подложнаго документа. Вотъ роль связей!

Далѣе прис. пов. Маклаковъ выясняетъ значеніе той „польской интриги“, о которой впервые заявилъ на судѣ Михаловскій, но которая постоянно проскальзываетъ и въ запискѣ Бородина, и въ статьѣ князя Оболенскаго и въ объясненіяхъ другихъ подсудимыхъ.

— Если бы, говоритъ ораторъ,—завѣщаніе было утверждено и имущество перешло бы уже къ Вонлярлярскому, то мы имѣли бы такое положеніе: съ одной стороны Высочайшая воля, а съ другой—польская интрига. И торжество Вонлярлярскихъ являлось бы торжествомъ православія и русской національности. Національность, православіе — это идеи, которымъ служатъ люди, заставить же эти идеи служить себѣ, торжество подлога сдѣлать торжествомъ національности, это одинъ изъ мастерскихъ ходовъ, доступныхъ человѣку большого вліянія, ведущаго крупную игру. Теперь все это смѣшно, но если бы это удалось, то смѣшно бы не было.

Въ концѣ своей рѣчи прис. пов. Маклаковъ говоритъ, что ему, какъ гражданскому истцу, не интересно обвиненіе того или другого подсудимаго, его интересуетъ только фактъ признанія завѣщанія подложнымъ, въ чемъ онъ не сомнѣвается.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ХРОНИКА.

На-дняхъ сенатомъ по 1-му департаменту разрѣшенъ вопросъ **о правѣ жительства въ гор. Москвѣ еврейки, вдовы купца, 1-й гильдіи, и о правѣ ея продолжать начатое ея мужемъ торговое дѣло.** Обстоятельства дѣла таковы. Еврейка Вишнякъ съ начала 1888 г. числилась въ гильдейскомъ свидѣтельствѣ ея покойнаго мужа, купца 1-й гильдіи, по день его смерти, послѣдовавшей въ 1908 г., и жила съ мужемъ въ Москвѣ. Послѣ же смерти Вишняка московская администрація, ссылаясь на законъ объ евреяхъ, предъявила къ г-жѣ Вишнякъ требованіе о немедленномъ выѣздѣ ея изъ предѣловъ Москвы. Вишнякъ это распоряженіе администраціи обжаловала министру внутреннихъ дѣлъ, который призналъ дѣйствія московской администраціи вполнѣ правильными, такъ какъ г-жа Вишнякъ, по его мнѣнію, не имѣетъ права заступить въ порядкѣ ст. 541-й закона о состояніяхъ ея покойнаго мужа, а слѣдовательно, не имѣетъ права жительства въ г. Москвѣ. Министръ торговли съ этимъ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ не согласился. Въ виду этого дѣло о правѣ жительства въ Москвѣ г-жи Вишнякъ направлено было въ сенатъ, который разъяснилъ, что права семьи г. Вишнякъ, какъ приписаннаго къ московскому 1-й гильдіи купечеству до изданія закона 22-го января 1899 г., должны опредѣляться, въ силу пункта 5-го закона 22-го января 1899 г., общими законоположеніями объ евреяхъ, въ силу котораго вдовы и дѣти евреевъ-купцовъ 1-й гильдіи по истеченіи 10-тилѣтняго срока пребыванія ихъ въ первогильдейскомъ купечествѣ внѣ черты еврейской осѣдлости пріобрѣтаютъ право повсемѣстнаго жительства въ имперіи. Это общее правило примѣнимо и къ г. Москвѣ по отношенію къ лицамъ, приписаннымъ къ г. Москвѣ до 1899 г. Евреи, пользующіеся, по закону, безусловнымъ правомъ жительства внѣ черты еврейской осѣдлости, имѣютъ право и на производство торговли и промысловъ на общемъ основаніи, тѣмъ болѣе, что въ законѣ нигдѣ не указывается, что дѣйствія ст. 541-й закона о состояніяхъ касаются только лицъ христіанскаго вѣроисповѣданія, а слѣдовательно, за силою ст. 767-й того же закона, предоставляемое упомянутой статьей 541-й закона о состояніяхъ вдовѣ начальника семейства право заступить его мѣсто со взятіемъ на свое имя купеческаго свидѣтельства распространяется и на лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Въ силу этихъ соображеній сенатъ рѣшилъ, что за еврейкой Вишнякъ и членами ея семьи, занесенными въ гильдейское свидѣтельство ея мужа, должно быть признано какъ право жительства въ Москвѣ, такъ и право на продолженіе содержанія въ этомъ городѣ торговаго предпріятія ея мужа.

—

Въ виду многочисленныхъ нареканій и жалобъ, вызываемыхъ **переосвидѣтельствованіемъ нижнихъ воинскихъ чиновъ**, увольняемыхъ отъ службы по болѣзни, ученый комитетъ главнаго военно-санитарнаго управленія высказался за измѣненіе существующаго нынѣ порядка переосвидѣтельствованія этихъ чиновъ въ уѣздномъ воинскомъ присутствіи. Впредь такихъ чиновъ предполагается подвергать освидѣтельствованію въ особыхъ комиссіяхъ при военныхъ врачебныхъ заведеніяхъ съ тѣмъ, чтобы постановленія этихъ комиссій о пригодности или непригодности этихъ чиновъ считались уже окончательными.

—

Въ сенатѣ слушалось дѣло о судебномъ слѣдователѣ 2-го участка бѣлецкаго уѣзда бессарабской губ. Горяевѣ по вопросу о преданіи его суду за преступленіе по должности. 24 іюня 1909 года слѣдователь Горяевъ получилъ отъ станового пристава сообщеніе о томъ, что того же числа, утромъ, въ имѣніи помѣщика Лукова въ своей комнатѣ повѣсилась служанка Михалина, 16-ти лѣтъ; какъ говорилось въ сообщеніи, комната Михалиной была заперта снаружи на ключъ столяромъ Иваномъ Копечанскимъ. Приставъ при этомъ доносилъ, что Копечанскій подозрѣвается въ покушеніи на изнасилованіе Михалиной, которую онъ заперъ, вслѣдствіе чего Михалина повѣсилась. Того же 24 іюня судебный слѣдователь Горяевъ возвратилъ приставу сообщеніе, указавъ, что по дѣламъ о самоубійствахъ слѣдствія не производится. Полиція однако продолжала производить дознаніе, и къ судебному слѣдователю поступило новое сообщеніе, изъ котораго видно, что Михалина подвергалась преслѣдованію столяра Копечанскаго, который насильно заставлялъ ее сожительствовать съ нимъ и всячески тиранилъ ее. Въ сообщеніи между прочимъ указывалось на то, что Михалину преслѣдовали также управляющій экономіей Яновичъ и племянникъ владѣльца экономіи Жони. Наканунѣ смерти Михалина помѣстилась на ночлегъ въ комнатѣ при кухнѣ, пригласивъ къ себѣ ночевать дѣвушку Пивоваръ. Ночью въ комнату стали ломиться Копечанскій, Яновичъ и Жони; тогда Михалина и Пивоваръ пытались бѣжать въ село, но Копечанскій и Яновичъ задержали Михалину и заперли ее въ комнатѣ, ключъ отъ которой взялъ Копечанскій. На утро Михалина найдена была въ запертой снаружѣ комнатѣ висѣвшей на полотенцѣ. Судебный слѣдователь не нашелъ достаточныхъ основаній къ производству слѣдствія и направилъ дознаніе товарищу прокурору въ порядкѣ 309 ст. уст. уг. суд. и одновременно сообщилъ бѣлецкому уѣздному управленію, что задержанный Копечанскій подлежитъ освобожденію изъ-подъ стражи и что не встрѣчается препятствій къ преданію трупа Анны Михалиной. Но черезъ нѣсколько времени слѣдователь получилъ новое полицейское дознаніе, въ которомъ указывалось на то, что на тѣлѣ покойной имѣются слѣды насилія, при чемъ нѣкоторые свидѣтели, по словамъ дознанія, слышали, какъ Копечанскій грозилъ убить Михалину. 23-го іюня Михалина пригласила къ себѣ на ночлегъ свою знакомую дѣвушку Пивоваръ. Тогда же вечеромъ, часовъ около 10-ти, къ столяру зашли управляющій экономіей Яновичъ и племянникъ владѣльца экономіи Жони и попросили его пойти съ ними и вскрыть дверь комнаты Михалиной, которая заперлась и не желаетъ ихъ пустить. Копечанскій, какъ подчиненный, пошелъ съ ними и снялъ дверь, послѣ чего всѣ они вошли въ комнату. Дѣвицы стали кричать и пытались убѣжать въ село, но онъ и Яновичъ насильно ихъ оставили, при чемъ Яновичъ заперъ дверь снаружи на ключъ и передалъ ключъ Копечанскому. На разсвѣтѣ Копечанскій выпустилъ Пивоваръ, Михалина же была опять оставлена запертой. Утромъ Яновичъ взялъ у Копечанскаго ключъ и пошелъ къ Михалиной. По словамъ Копечанскаго, Яновичъ заявилъ, что онъ повѣситъ Михалину и потомъ скажетъ, что она сама повѣсилась. Взявъ полотенце, Яновичъ приподнялъ Михалину и сталъ ее вѣшать, привязывая полотенце къ рѣшеткѣ окна. Судебный слѣдователь Горяевъ и это второе дознаніе направилъ участковому товарищу прокурора по 309-й ст. уст. уг. суд.

29-го іюля судебный слѣдователь Горяевъ получилъ обратно дознаніе отъ участковаго товарища прокурора съ предложеніемъ приступить къ слѣдствію по признакамъ 1,454 (убійство) ст. улож. о нак. Но вплоть до 14-го сентября не было произведено по дѣлу ни одного слѣдственнаго дѣйствія; только 14-го сентября замѣнявшій Горяева кандидатъ на судебныя должности распорядился вырыть трупъ Михалиной изъ могилы, при чемъ трупъ оказался настолько сильно разложившимся, что врачъ-экспертъ не нашелъ возможнымъ придти къ точному заключенію о причинѣ смерти Михалиной. 28-го сентября дѣло было передано къ судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ, который за неимѣніемъ данныхъ нашелъ возможнымъ привлечь только въ качествѣ обвиняемаго одного Копечанскаго, которому было предъявлено обвиненіе по 1,455 ст. улож. о нак. По приговору кишиневскаго окружнаго суда Копечанскій былъ признанъ виновнымъ и присужденъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на $3^1/_2$ года.

Выслушавъ заключеніе товарища оберъ-прокурора, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: бывшаго судебнаго слѣдователя Горяева предать суду одесской судебной палаты по обвиненію по 1 ч. 429 и 411 ст.ст. улож. о нак.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ, усматривая, что товарищъ прокурора по Бѣлецкому уѣзду, которому Горяевымъ были посланы 25 іюня, а затѣмъ 15 іюля два дознанія по дѣлу о смерти Михалиной, лишь 29 іюля предложилъ судебному слѣдователю приступить къ производству слѣдствія, тогда какъ по важности дѣла и во избѣжаніе разложенія трупа представлялась необходимость въ немедленномъ производствѣ предварительнаго слѣдствія и вскрытія трупа, призналъ нужнымъ о дѣйствіяхъ товарища прокурора сообщить министру юстиціи.

—

Въ соединенномъ присутствіи 1 и кассаціоннаго департаментовъ сената слушалось **дѣло о мировомъ судьѣ** столичнаго мирового съѣзда Панинѣ, который оскорбилъ московскаго присяжнаго повѣреннаго Икова. Присяжный повѣренный Иковъ 19 августа прошлаго года явился въ камеру московскаго мирового судьи Пречистинскаго участка Панина поддерживать интересы своей довѣрительницы Травиной. Когда Иковъ попросилъ для просмотра дѣло, то мировой судья потребовалъ отъ повѣреннаго платы въ 30 коп.: 20 коп. за довѣренность копіи и 10 коп. за просмотръ дѣла. На отказъ этимъ послѣднимъ уплаты неустановленнаго сбора мировой судья Панинъ закричалъ: «Вы не желаете уплатить деньги, въ такомъ случаѣ вы не получите дѣла!» При этомъ судья бросилъ довѣренность въ сторону. Тогда прис. пов. Иковъ просилъ составить протоколъ объ отказѣ

въ выдачѣ дѣла, по которому онъ долженъ былъ выступить, но Панинъ заявилъ, что никакого протокола не составитъ, и сталъ кричать: «Прошу васъ не возражать мнѣ, замолчите и сядьте на мѣсто, иначе я прикажу васъ вывести вонъ!» На это прис. пов. Иковъ отвѣтилъ, что подчиняется силѣ, и сѣлъ на скамейку въ мѣстахъ для публики. Когда судья замѣтилъ, что Иковъ разговариваетъ съ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Сѣдельниковымъ, при чемъ этотъ разговоръ былъ не слышенъ, то заявилъ: «Въ камерѣ нельзя разговаривать», а затѣмъ позвонилъ и крикнулъ: «Разсыльный, вывести этого господина вонъ!» Не дожидаясь прихода разсыльнаго, прис. пов. Иковъ поднялся со скамьи и заявилъ: «Господинъ судья, я ухожу самъ. Прошу васъ помнить, что я—присяжный повѣренный». Съ этими словами Иковъ вышелъ. «Еще бы посмѣли не уйти!» — крикнулъ вслѣдъ уходящему г. Панинъ. Всѣ эти обстоятельства были разслѣдованы членомъ московскаго окружного суда Саушкинымъ, при чемъ свидѣтельскими показаніями было установлено оскорбленіе мировымъ судьею прис. повѣр. Икова. Выслушавъ заключеніе товарища оберъ-прокурора, сенатъ опредѣлилъ мирового судью г. Москвы Панина предать суду московской судебной палаты по обвиненію въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 347 и 343 стст. уложенія о наказаніяхъ. Сверхъ того сенатъ постановилъ разъяснить Панину неправильность его дѣйствій по требованію отъ прис. повѣр. Икова сбора за просмотръ дѣла.

—

По предложенію министра юстиціи, въ правит. сенатѣ слушалось **дѣло о неправильныхъ дѣйствіяхъ орловскаго окружнаго суда**, въ составѣ присутствія: предсѣдательствующаго члена суда Ничпаевскаго, члена суда Кудрявцева и городского судьи 3 участка, г. Орла, Еловскаго.

Основаніемъ для возбужденія дѣла послужили слѣдующія обстоятельства.

Приговоромъ Орловскаго окружнаго суда, утвержденнымъ харьковской судебной палатой, бывшій смотритель орловской губернской земской больницы Шляпниковъ, за преступленія, учиненныя по этой должности, былъ присужденъ къ строгому выговору, со внесеніемъ въ послужной списокъ. При этомъ объявленіе выговора было назначено Шляпникову въ судебномъ засѣданіи орловскаго окружнаго суда 15 сентября 1910 г. Въ означенномъ засѣданіи осужденный Шляпниковъ, лично получившій повѣстку о явкѣ по мѣсту своего жительства въ г. Москвѣ, гдѣ онъ состоялъ смотрителемъ долгоруковскаго ремесленнаго училища, не явился и не представилъ суду никакихъ объясненій о причинахъ своей неявки, вслѣдствіе чего орловскій окружный судъ, опредѣленіемъ своимъ того же 15 сентября постановилъ неявку Шляпникова признать незаконной и подвергнуть его приводу въ судебное засѣданіе 20 октября. Во исполненіе этого опредѣленія, 24 сентября была послана черезъ пристава 1 участка Яузской части г. Москвы повѣстка о приводѣ Шляпникова въ Орелъ, а затѣмъ Шляпниковъ былъ задержанъ и доставленъ этапнымъ порядкомъ въ орловскую губернскую тюрьму 16 октября. Въ тотъ же день, по словесному предложенію прокурора, орловскій окружный судъ отмѣнилъ упомянутое выше опредѣленіе отъ 15 сентября 1910 г. и постановилъ Шляпникова изъ-подъ стражи освободить.

Объ изложенныхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ орловскаго окружнаго суда, постановившаго о приводѣ названнаго Шляпникова, вопреки разъясненію сената, по которымъ исполненіе приговора, требующаго личной явки осужденнаго, должно производиться по мѣсту жительства послѣдняго, министръ юстиціи предложилъ на усмотрѣніе правительствующаго сената.

Выслушавъ заключеніе товарища оберъ-прокурора, сенатъ опредѣляетъ: членовъ орловскаго окружнаго суда Ничпаевскаго и Кудрявцева и городского судью 3 участка г. Орла Еловскаго предать суду харьковской судебной палаты, по обвиненію въ преступленіи предусмотрѣнномъ 411 ст. улож. о нак.

—

Сенатомъ **преданъ суду** тифлисской судебной палаты **завѣдующій 5-мъ слѣдственнымъ участкомъ** елизаветпольскаго уѣзда Самоквасовъ, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 347 ст. улож. о наказ.

13 февраля прошлаго года Самоквасовъ съ полицейскимъ приставомъ, со стражниками и разъѣздною командою, верхомъ на лошадяхъ, отправился со станціи Дзегамъ въ селеніе Козларъ-Сарды для вскрытія трупа, вытащеннаго изъ колодца, и при проѣздѣ черезъ селеніе Старый Дзегамъ выругалъ свиньями стоявшихъ на улицѣ и поклонившихся ему сельчанъ, сказавъ имъ, что при поклонахъ надо прикладывать руку къ папахѣ. Въ отвѣтъ на это сельчане засмѣялись.

Вскрытіе трупа не состоялось. Слѣдователь и приставъ, закусивъ и выпивъ въ мѣстномъ духанѣ, выѣхали обратно вмѣстѣ со стражниками и разъѣздною командою. Самоквасовъ, замѣтно опьянѣвшій началъ пѣть, скакать на лошади и потребовалъ отъ стражниковъ, чтобы они стрѣляли изъ винтовокъ. Съ разрѣшенія пристава, стражники произвели по два выстрѣла вверхъ. На пути, еще за нѣсколько верстъ до селенія Стараго Дзегама, Самоквасовъ сталъ высказывать приставу угрозы, расправиться съ тамошними жителями за ихъ насмѣшки.

Дѣйствительно, едва только въѣхали въ селеніе, какъ Самоквасовъ поднялся на лошади на крыльцо одной лавки и началъ бить плетью стоявшаго тамъ Машади Атакиши Кербалай Мегеррамъ-оглы, нанеся ему нѣсколько ударовъ по головѣ и плечамъ. Затѣмъ онъ соскочилъ съ лошади и ударилъ плетью вышедшаго изъ сосѣдней лавки Машади Мамеда Вабакши-оглы. Послѣдній побѣжалъ обратно въ лавку, оттуда въ квартиру и, наконецъ, во дворъ. Самоквасовъ, преслѣдуя его, разбилъ стекло въ лавочной двери и съ такою силою ударилъ ногой въ квартирную дверь, что она была повреждена. На дворѣ Самоквасовъ снова началъ бить плетью Машади Мамеда по головѣ и рукамъ и нанесъ нѣсколько ударовъ по спинѣ женѣ послѣдняго, которая стала между нимъ и мужемъ. На шумъ и крики вышелъ изъ своей квартиры сосѣдъ Машади Мамеда, торговецъ Машади Масумъ,

котораго Самоквасовъ также ударилъ нѣсколько разъ плетью по лицу. Тогда во дворѣ появился приставъ со стражниками и силою увелъ Самоквасова на улицу. Ранѣе же приставъ и стражники кричали лавочникамъ: убѣгайте, слѣдователь пьянъ. Но на улицѣ Самоквасовъ вырвался изъ рукъ пристава, побѣжалъ въ лавку Султанова, гдѣ сначала нанесъ нѣсколько ударовъ плетью по головѣ приказчику, а затѣмъ набросился на самого Султанова и сталъ стегать его плетью. Самоквасовъ прекратилъ побои лишь тогда, когда увидѣлъ, что приставъ и стражники уѣзжаютъ изъ селенія. Самоквасовъ скоро догналъ ѣхавшихъ и вновь по его требованію, недалеко отъ станціи Джегамъ чины разъѣздной команды произвели шесть выстрѣловъ изъ винтовокъ, чѣмъ вызвали тамъ тревогу.

На слѣдующее утро слѣдователь Самоквасовъ и приставъ снова пріѣхали въ селеніе Старый Дзегамъ вслѣдствіе совершеннаго тамъ убійства. Узнавъ, что нѣкоторые изъ побитыхъ лицъ отправились въ Елизаветполь съ жалобой прокурору, приставъ и слѣдователь произвели обыскъ въ квартирахъ избитыхъ, хотя послѣдніе никакого отношенія къ преступленію не имѣли. При освидѣтельствованіи нѣкоторыхъ избитыхъ были обнаружены слѣды побоевъ и кровоподтеки.

—

Въ правит. сенатѣ слушалось дѣло по вопросу о **преданіи суду мирового судьи** 3 участка барнаульскаго уѣзда Клярнера.

Мировой судья Клярнеръ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы въ канцелярію не былъ допускаемъ присяжный повѣренный Черняковъ даже въ тѣ часы, когда доступъ въ нее свободенъ для всѣхъ. Клярнеръ даже приставилъ къ дверямъ канцеляріи городового, которому было поручено не пускать въ канцелярію одного только Чернякова.

Сенатъ опредѣлилъ: мирового судью Клярнера предать суду омской судебной палаты по обвиненію по 347 ст. улож. о нак.

—

Въ соединенномъ присутствіи 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ сената слушалось **дѣло о городскомъ судьѣ** 3 участка г. Херсона Пискорскомъ по вопросу о привлеченіи его къ суду за слѣдующее преступленіе.

18 августа 1910 г. въ камерѣ судьи разсматривалось дѣло мѣщ. Чечетовой, обвинявшейся въ неисполненіи распоряженій полиціи. Городской судья Пискорскій не давалъ Чечетовой возможности представить свои объясненія, а когда та настаивала на этомъ, то судья сталъ кричать на нее, стучалъ кулаками по столу, обозвалъ ее стервой и въ довершеніе всего, выскочивъ изъ-за судейскаго стола, ударилъ ее кулакомъ въ спину съ такой силой, что она упала на сидѣвшую въ залѣ засѣданія публику. Всѣ эти обстоятельства были удостовѣрены при разслѣдованіи члена херсонскаго окружнаго суда свидѣтельскими показаніями.

Въ своихъ объясненіяхъ, представленныхъ въ прав. сенатъ, Пискорскій заявляетъ, что, не отличаясь кротостью обращенія съ тяжущимися, онъ все же не можетъ допустить мысли о томъ, что ударилъ Чечетову собственноручно. Это сдѣлалъ городовой, который удалилъ Чечетову по его распоряженію, такъ какъ она мѣшала своимъ крикомъ занятіямъ въ камерѣ.

Правительствующій сенатъ опредѣлилъ: предать городского судью Пискорскаго суду одесской судебной палаты по обвиненію по 347 ст. улож. о наказ.

—

10-го іюня прибыла въ Якутскъ первая лѣтняя партія ссыльныхъ, въ ихъ числѣ 30 политическихъ. По распоряженію полиціймейстера всѣ были отведены въ тюрьму, гдѣ и должны были ждать назначенія и отправки; раньше обычно до отправки оставляли на свободѣ въ городѣ. 12-го іюня въ тюрьму прибыли губернаторъ, полиціймейстеръ и другія власти города. Приходъ губернатора сопровождался отправкой въ карцеръ на пять сутокъ двоихъ политическихъ не пожелавшихъ снять передъ губернаторомъ по его приказанію шапокъ. Въ связи съ этимъ столкновеніемъ или, вѣрнѣе, въ связи съ политикой все усиливающихся **репрессій противъ политическихъ ссыльныхъ** партія получила небывало далекія назначенія, которыя не только возобновили существовавшую въ «доконституціонное» время далекую ссылку, но и превзошли ее.

—

Изъ астраханской **колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ** благодаря тяжелому режиму, систематически бѣгутъ воспитанники.

—

Въ виленской **тюрьмѣ повѣсился** каторжанинъ Эйтидъ, возвращенный недавно изъ психіатрической больницы, гдѣ его признали симулянтомъ.

Библіографія.

Русская группа международнаго союза криминалистовъ. Общее собраніе группы въ Москвѣ 21—23 апрѣля 1910 года, Сбп., 1911 г., XXXX+303 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ труды насильственно прерваннаго собранія нашихъ криминалистовъ въ Москвѣ. Собраніе открылось 21 апрѣля 1910 года при довольно благопріятныхъ ауспиціяхъ рѣчью предсѣдателя группы В. Д. Набокова, намѣтившаго въ общихъ чертахъ программу занятій.

Не безынтересно отмѣтить, что однимъ изъ предсѣдателей собранія былъ единогласно избранъ С. А. Муромцевъ.

Выслушавъ привѣтствіе ректора московскаго университета А. А. Мануйлова, собраніе прежде всего почтило память покойныхъ криминалистовъ Чезаре Ломброзо и Габріеля Тарда, а также А. Ф. Кистяковскаго. Н. Н. Баженову, говорившему о первыхъ двухъ, особенно удалась характеристика Тарда, проникнутая чувствомъ глубокой симпатіи и искренняго преклоненія предъ великимъ ученымъ. Изъ рѣчи М. Н. Гернета объ А. Ф. Кистяковскомъ слѣдуетъ отмѣтить анализъ ученій покойнаго ученаго, какъ бы предвосхитившихъ будущее развитіе союза криминалистовъ.

Выполненіе программы докладовъ открывается докладомъ М. П. Чубинскаго по одному изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ нашего времени о современномъ состояніи русскаго уголовнаго законода-

тельства. По мнѣнію докладчика, характерной чертой нашего времени является то обстоятельство, что уголовная отвѣтственность русскаго обывателя регулируется цѣлымъ рядомъ конкурирующихъ законовъ: волостной судъ съ его обычнымъ правомъ, духовный судъ съ его своеобразнымъ правомъ, скрытымъ отъ изученія и познанія, административная расправа, военный судъ со ст. 279 уст. воин., широко примѣняемой по усмотрѣнію правительства, даютъ необычайно пеструю картину. Но и общій уголовный законъ не выдерживаетъ никакой критики. Всякихъ иныхъ формъ принудительнаго воздѣйствія на личность, должна быть основана на оцѣнкѣ свойства и тяжести совершеннаго преступленія; 2) что вспомогательнымъ моментомъ въ этой оцѣнкѣ, отражающимся на выборѣ карательной мѣры, можетъ быть признано опасное состояніе личности, поскольку такое состояніе явствуетъ изъ опредѣленныхъ данныхъ уголовно-юридическаго характера, предусмотрѣнныхъ въ уголовномъ кодексѣ (особо низменные или опасные мотивы, многократный рецидивъ, профессіонализмъ, преступныя ассоціаціи),

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сен. объявл., гдѣ распубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Боголюбовой, Александрой Алексѣевой, ж. вр. Сливковой, Екатериной Ивановой, куп. Сливковой, Екатериной Алексѣевой, д. куп.	Сливкову, Сергѣю Алексѣеву, куп. с.	С. о. 4 авг. № 62. У рязанскаго нотар. Носикова, 7 янв. 1898 г. № 16 и у рязанск. нот. Штейерта, 1 мар. 1905 г. Р. IV, ст. 319.	Рязанск. о. с.
Гамань, Фридрихомъ Іогановымъ, пос. Гунь, Якобомъ Якобовымъ, пос. Гамань, Фридрихомъ Фридриховымъ, пос. Рибель, Яковомъ Ивановымъ и другими.	Киршъ, Іоганну Петрову, посел. и Нейману, Христіану Георгіеву.	С. о. 4 авг. № 62. У таганрогск. нот. Кирпичева. 21 дек. 1909 г. № 4621. Р. IV, ст. 322.	Омск. о. с.
Гуляковымъ, Иваномъ Ивановымъ.	Смыгачеву, Ивану Васильеву, мѣщ.	С. о. 4 авг. № 62. У моск. нот. Полонскаго, 2 авг. 1910 г. № 4011. Р. IV, ст. 323.	Московск. о. с.
Колпаковой, Маріей Васильевой, кр.	Колпакову, Николаю Семенову.	С. о. 4 авг. № 62. У борисоглѣбскаго нот. Долгова, 28 марта 1906 г. Р. IV, ст. 320.	Тамбовск. о. с.
Кунча, Зиновіей Александровой, д. п. гр.	Кирика, Надеждѣ Эмануиловой, дв.	С. о. 8 авг. № 63. У кишиневскаго нотар. Кобіева, 14 іюня 1903 г. Р. IV, ст. 326.	Одесск. о. с.
Мельграфомъ, Георгомъ Георгіевымъ, пос. соб.	Брауну, Христіану Христіанову, пос.	С. о. 8 авг. № 63. У гросудовск. нот. Унтилова, 11 мая 1907 г. Р. IV, ст. 325.	Одесск. о. с.
Хайнацкимъ, Густавомъ Карловымъ, дв.	Циллатусъ, Александру Александрову, куп.	С. о. 4 авг. № 62. У московскаго нотар. Невяжскаго, 14 декабря 1910 г. Р. IV, ст. 321.	Пов. т. д. „Гутмонъ и Ко“.
Циммъ, Александрой Петровой, вд. д. ст. сов.	Семеновсй, Ольгѣ Ивановой.	С. о. 4 авг. № 62. У севастопольск. нот. Каракина, 28 авг. 1910 г. № 9481. Р. IV, ст. 324.	Симферопольск. о с.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОБЕЗПЕЧЕНІЕ ПРАВЪ собственности
на новыя ИЗОБРѢТЕНІЯ, ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ,
фабричн. рисунки и модели.
Технико-юридическ. указанія и консультація. Бюро привилегій
инженера Д. М. Левенштейна.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 65. Телефонъ 48—94. Существуетъ съ 1900 года.

4—6

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.